

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 16

1979

Евгений САВИЦКИЙ

**В НЕБЕ
НАД МАЛОЙ ЗЕМЛЕЙ**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 16

Евгений САВИЦКИЙ

В НЕБЕ
НАД МАЛОЙ ЗЕМЛЕЙ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1979

Е. Я. САВИЦКИЙ

Дважды Герой Советского Союза, заслуженный военный летчик СССР, маршал авиации Евгений Яковлевич Савицкий родился в 1911 году в Станичке, пригородном поселке Новороссийска. Окончил школу фабрично-заводского обучения, работал. В 1930 году по путевке комсомола поступил в летную школу.

Зимой 1941—1942 года участвовал в воздушных боях под Москвой, командовал авиационной дивизией. В Сталинградской битве руководил Особой ударной авиационной группой. В начале 1943 года тридцатидвухлетний генерал Савицкий назначен командиром 3-го истребительного авиационного корпуса Резерва Верховного Главного командования.

За годы войны Е. Савицкий выполнил 216 боевых вылетов, в том числе 80 на штурмовку наземных войск противника, сбил 22 фашистских самолета лично и два в группе.

После Великой Отечественной войны Е. Я. Савицкий занимает ответственные посты в Военно-Воздушных Силах и Войсках Противовоздушной Обороны страны. Одним из первых осваивает скоростные реактивные самолеты и входит в историю не только советской, но и мировой авиации как пионер высшего группового пилотажа на реактивных самолетах.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Один за другим прибыли три авиакорпуса из резерва Ставки. По мере подхода они вступали в бой. Прежде всего красноезвездные истребители закрыли небо над Малой землей.

Л. И. БРЕЖНЕВ. «Малая земля».

В середине апреля 1943 года полки только что сформированного в Подмосковье 3-го истребительного корпуса Резерва Верховного Главнокомандования, командиром которого я был назначен, перелетели и сосредоточились на аэродромах Курской области. Здесь назревали серьезные события. Но участвовать в них корпусу не довелось. Через несколько дней после перелета пришло распоряжение: срочно перебазируемся на Кубань в оперативное подчинение командования 4-й воздушной армии Северо-Кавказского фронта.

Начальник штаба корпуса полковник М. А. Баранов, передавая мне распоряжение, посетовал:

— Таковую махину — две дивизии, шесть полков, двести с лишним самолетов — предлагают своим ходом перебросить в течение двух дней, перебросить почти за тысячу километров.

Не согласиться с начальником штаба было нельзя. Организовать такой перелет истребителей практически без подготовки действительно сложно. Но мы соединили Резерв Верховного Главнокомандования. Значит, дела там серьезные, значит, там мы нужны, и нужны срочно.

Надо сказать, что уже во второй половине 1942, очень трудного года войны, авиационная промышленность страны благодаря целеустремленной деятельности Коммунистической партии, самоотверженной работе тружеников тыла значительно увеличила выпуск боевых самолетов. Это дало возможность создать не только воздушные армии, но и приступить к формированию крупных авиационных резервов. Наиболее удобной их формой были признаны авиационные корпуса. Мобильные, маневренные, по прибытии на фронт, они органично входили в организацион-

ную структуру воздушной армии. После выполнения задачи или по мере надобности — легко выводились и использовались на других, более важных в данный момент, направлениях. Всего за годы войны на фронтах действовало до тридцати авиационных корпусов Резерва Верховного Главнокомандования. Нередко, особенно в заключительном периоде войны, они увеличивали ударную силу воздушной армии в два с половиной — три раза.

Но время, о котором идет речь, было еще очень трудным. Сформировано пока всего несколько корпусов. И три из них: наш, 3-й истребительный, 2-й смешанный под командованием генерала И. Т. Еременко и 2-й бомбардировочный генерала В. А. Ушакова в апреле 1943 года были срочно переброшены на Северо-Кавказский фронт.

После перелета, проведенного, кстати, организованно, несмотря на сжатую до предела подготовку, я встретился с командующим ВВС Северо-Кавказского фронта генерал-лейтенантом К. А. Вершининым и начальником штаба 4-й воздушной армии генерал-майором А. З. Устиновым. Они, говоря военным языком, «ввели» меня в обстановку. После тяжелых зимних боев за освобождение Северного Кавказа в авиации фронта осталось всего 450 боевых машин, не считая 70 самолетов Черноморского флота и 60 бомбардировщиков Авиации Дальнего Действия. А у противника на аэродромах Крыма и Тамани было сосредоточено до тысячи самолетов 4-го воздушного флота. Кроме того, как показывали пленные летчики, для ударов по нашим войскам привлекаются еще около двухсот бомбардировщиков из Донбасса и с юга Украины.

— Положение, прямо говоря, тяжелое, — подчеркнул генерал Вершинин. — Особенно трудно на плацдарме Восемнадцатой десантной армии, который был захвачен еще в начале февраля небольшим отрядом десантников, потом расширен частями и соединениями армии генерала Леселидзе. Называют плацдарм Малой землей. По сути верно — там всего каких-то тридцать квадратных километров. Но дела на Малой земле вершатся огромной важности. Плацдарм — это понятно и нам и противнику — не только приковывает к себе большое количество немецких войск, но и очень важен для успешной борьбы за Таманский полуостров, за Новороссийск, даже за Крым. Плацдарм, по мнению нашего командования, играет огромную роль в дальнейшем развитии всей наступательной операции на южном направлении и, главное, в ликвидации большой и сильной группировки семнадцатой немецкой армии.

Генерал Вершинин на крупномасштабной карте показал точное расположение плацдарма, подчеркнул при этом, что нейт-

ральной полосы в обычном понимании этого слова здесь нет. Дерутся лицом к лицу.

Константин Андреевич перечислял опорные пункты обороны плацдарма, характерные ориентиры для полетов, и я слышал родные, знакомые с детства названия: Федотовка, Соленое озеро, мыс Любви, Суджукская коса, Мысхако, Станичка. Да, именно здесь в пригородном поселке Станичка, на Варваровской улице, прошли мои детство и юность. С четырнадцати лет — время после гражданской войны было трудное — бегал по набережным города на противоположную сторону Цемесской бухты на цементный завод «Пролетарий», где работал и учился в школе фабрично-заводского обучения. Здесь появилась неумная тяга к технике. Здесь овладел завидной для того времени профессией шофера. Отсюда уехал в летную школу... А теперь тут война.

— Положение наших войск на плацдарме, — еще раз подчеркнул генерал Вершинин, — тяжелое. Особенно последние два дня. Противник все время атакует наши позиции, обстреливает всеми калибрами артиллерии. Но главное — непрерывно бомбит и наносит штурмовые удары авиацией. Все время несколько десятков бомбардировщиков под сильным прикрытием истребителей висят над плацдармом. Мои летчики сражаются отчаянно. Но силы слишком неравные. Вот почему вас так срочно перебросили. И с ходу, как говорится, в бой.

В бой... Мы и сами понимали, что прилетели сюда не для отдыха. Но... Дело в том, что в корпус при формировании включили авиационные полки с Дальнего Востока. Летчиков этих частей я хорошо знал: перед войной и в первые военные месяцы до своего отъезда на фронт командовал авиационной дивизией, в которую они входили. Дальневосточники отличались высокой профессиональной подготовкой. Но у них, за исключением немногих, принимавших участие в событиях на Халхин-Голе, не было никакого боевого опыта.

С фронта мне разрешили отозвать на некоторые командные должности в корпусе и в дивизиях всего несколько боевых авиаторов. Среди них Героя Советского Союза А. И. Новикова, отличившегося в самом начале войны, офицеров А. У. Еремина, А. Е. Рубахина и других летчиков, с которыми довелось мне воевать в разное время под Москвой, Воронежем, Сталинградом. Во время формирования летчики-фронтовики, не исключая и меня — командира корпуса, старались передать дальневосточникам свой опыт боев с фашистами. Выполняли по шесть — восемь учебных боев в летную смену.

Мне удалось буквально выпросить в НИИ ВВС трофейный «мессершмитт». И пока у него от переработки не заклинило в

воздухе мотор, проводил учебно-показные бои с командирами полков и эскадрилий. Делалось это на глазах остальных летчиков. Они видели сильные и слабые стороны вражеского истребителя, усвоили немало тактических приемов борьбы и, главное, убедились, что советские «яки», которыми были вооружены полки корпуса, не уступают по своим боевым возможностям фашистским истребителям, а по некоторым параметрам превосходят их.

Перелетая на фронт, я знал, что воевать дальневосточники будут смело, упорно, решительно. Но знал и то, что первые бои с сильным противником будут для них трудными, опасными. Опасным является каждый бой, но для необстрелянных летчиков первые бои трижды опасны. Поэтому планировал дальневосточников вводить в боевую обстановку, насколько это позволяют условия, постепенно, под руководством опытных воздушных бойцов.

Но увы... Я даже не стал докладывать о своих планах. Да и генерал Вершинин все это отлично знал.

— Вам, конечно, нужно время на подготовку, на знакомство с районом боевых действий, — сказал он, — но больше одного дня дать не могу. А в помощь вашим фронтовикам пришлем нескольких боевых летчиков из наших частей. И в бой! Всеми силами корпуса — в бой.

Однако и этого обещанного генералом Вершининым дня на подготовку использовать не удалось. Вечером 19 апреля получили распоряжение, в котором говорилось, что ожидается новое мощное наступление на плацдарм под прикрытием крупных сил авиации. Завтра нам надлежало одной дивизией сопровождать бомбардировщики и штурмовики, которые будут работать по позициям противника, а второй дивизией воспретить немцам бомбардировку и штурмовку наших войск на плацдарме.

Ну что ж! Война, как говорится, не ждет, у нее отсрочки не попросишь. Собрали совещание офицеров штаба корпуса. Обсуждали и решали главное: что можем сделать в оставшееся время для более тщательной подготовки и организации боевых действий? К ним готовы тылы корпуса — самолеты размещены на аэродромах и замаскированы, как положено, полки обеспечены боеприпасами и горючим, есть общежития, казармы, столовые. Все самолеты, несмотря на далекий перелет, исправны, полностью готовы к боевым вылетам.

Ну, а основное — подготовка летчиков? Они ознакомились с наземной и воздушной обстановкой. В некоторых полках, тех, что прибыли в первую очередь (это дивизия полковника П. Т. Коробкова), успели и облетать район боевых действий. Уже хорошо! Правда, не все прошло гладко. Ведущий одной

группы растерял своих ведомых, которые или могли стать легкой добычей «мессершмитов», или заблудиться. К счастью, все обошлось благополучно, но себе помечаю: самое серьезное внимание уделить ведущим пар, звеньев, групп...

Но главное, что интересовало в тот момент командование корпуса, — душевный настрой, точнее, боевой дух, воля к победе наших летчиков. Как они да и весь личный состав корпуса восприняли известие о том, что завтра в бой? Ответить на этот вопрос могли только те, кому с рассветом предстояло вступить в первую схватку с противником.

На всех аэродромах прошли митинги, партийные и комсомольские собрания. Я побывал на собрании коммунистов 812-го истребительного авиационного полка. Собрались прямо на аэродроме, возле стоянки дежурного звена. Солнце едва зашло, и облака в высоком апрельском небе казались багровыми пятнами. Я всматривался в лица летчиков: завтра для них первый в жизни бой, и кто знает...

На собрании выступили секретарь парторганизации полка капитан В. Н. Лисицин, заместитель командира полка по политической части капитан Т. Е. Пасынок, командиры, рядовые летчики, техники, механики, мотористы. Говорили о том, что каждый коммунист обязан показывать в бою пример, быть умелым бойцом, готовым всегда прийти на помощь товарищам, не жалея жизни бить врага.

Запомнилось мне решение этого партийного собрания, или, как тогда говорили, резолюция. Оно заканчивалось словами: «...Защищать Родину до последней капли крови, бить фашистских захватчиков до полного разгрома». Кстати сказать, в мае 1945 года на одном из аэродромов под Берлином капитан Лисицин доложил коммунистам полка, что «решение партийного собрания от 19 апреля 1943 года выполнено». Но сейчас наш корпус делал только первый шаг по невероятно тяжелому и кровавому пути на Берлин.

На всех партийных собраниях в полках было рассмотрено немало заявлений о приеме в партию.

Сила партийного влияния! Всегда она велика, но во сто крат возрастает в трудное для страны время. Я уже давно заметил, что в период затишья на фронте, на отдыхе в тылу солдаты и офицеры не часто заводят разговор о приеме их в партию. Они словно стыдятся сделать этот важный шаг в своей жизни в обычных условиях. Хотя, собственно, когда на фронте бывают «обычные» условия? В ходе же самых трудных боев, перед решительным наступлением в полевых сумках политработников резко увеличивается количество заявлений. Становясь коммунистами, люди сами становятся сильнее и увеличивают силу сво-

его коллектива. Так было во время самых тяжелых боев под Москвой, перед ноябрьским наступлением под Сталинградом. Так было и перед боями над Малой землей.

Малая земля! О десанниках, захвативших плацдарм, о его героических защитниках по фронту ходили легенды. На фронтах великой войны можно было услышать немало рассказов о непогибающем лейтенанте, о разведчике, бравшем в плен десятки немецких генералов, о летчике, летающем без ног, о несгораемом танкисте. Несмотря на кажущуюся фантастичность, в основе этих рассказов лежали какие-то действительные события. Мы знали это, но все же молва о Малой земле казалась неправдоподобной.

Даже и сейчас неудобно признаться, что, когда генерал Вершинин знакомил меня с наземной обстановкой на плацдарме, я не очень поверил командующему ВВС фронта. Так, он рассказывал, что два дня подряд этот клочок земли непрерывно штурмовали и бомбили по 50—60 вражеских самолетов, обстреливала артиллерия, но когда пехота и танки противника шли в наступление, защитники словно вырастали из земли и отбивали все атаки. Я хорошо знал и Станичку и Мысхако и ясно представлял, что там могло быть после таких налетов. Однако, увидев на следующий день Малую землю с воздуха, понял, что рассказы о ней правдивы и отражают только небольшую часть тех героических событий, которые на ней происходят. К защитникам плацдарма Военный совет 18-й армии, войска которой мы прикрывали с воздуха, обратился со специальным воззванием. Копию этого документа мой заместитель по политчасти полковник Ананьев привез к нам в штаб. Конечно, я это обращение дословно не помню, но смысл письма, суть его остались у меня, да, я уверен, и у всех, кто его читал в те дни, надолго в памяти сердца.

В своей книге «Малая земля» Леонид Ильич Брежнев приводит несколько фраз из этого письма-обращения к защитникам плацдарма: «Клянемся своими боевыми знаменами, именем наших жен и детей, именем нашей любимой Родины, клянемся выстоять в предстоящих схватках с врагом, перемолоть его силы и очистить Тамань от фашистских мерзавцев. Превратим Малую землю в большую могилу для гитлеровцев!»

Это именно те слова, которые могли родиться только там, где твердо решили стоять насмерть все до одного и победить! Да, ни в какие легенды не уложить то, что вершилось на Малой земле семь с половиной месяцев и особенно весной сорок третьего года. В этом мы, летчики прибывших авиационных корпусов Резерва Ставки, убедились при первых же вылетах в район Новороссийска, Малой земли...

На Кубани весна в полной силе. Улетали из-под Курска — там голые деревья, темная земля, кое-где еще снег. Здесь сады в светло-зеленой дымке свежей зелени. Судя по предрассветному чистому небу, безветрию — день будет солнечный, ясный. Противника увидим далеко. Так же, как и он нас.

Солнце еще не взошло, только чуть осветило отроги Главного Кавказского хребта, за которыми Черное море, Цемесская бухта, Новороссийск, Малая земля. Первыми уходят на задание группы истребителей из полков майоров А. У. Еремина, В. П. Симонова, подполковника В. А. Папкова. Это 265-я авиадивизия полковника П. Т. Коробкова. 278-я под командованием подполковника В. Г. Лисина будет прикрывать бомбардировщики и штурмовики.

Я иду парой с Героем Советского Союза А. И. Новиковым. Постоянного ведомого у меня нет, как не было их под Москвой, под Воронежем и Сталинградом. Брал с собой в воздух любого летчика из того полка, с которым вылетал. С одной стороны, это заставляло ведомого быть предельно внимательным — летит как-никак с командиром. С другой — такие вылеты для молодых летчиков были определенной школой. Никогда не опекал ведомого, но полет старался строить так, чтобы исключить внезапное нападение вражеских самолетов. Именно при таких атаках, как правило, и гибнут ведомые. Сегодня же взял с собой опытного боевого летчика капитана Новикова потому, что не знал еще противника, мастерство его пилотов, характер их действий.

Наша пара «яков» идет выше и в стороне от основных групп истребителей дивизии. Не без умысла. Практически я никогда не ставил перед собой задачу лично сбивать вражеские самолеты. Командиру дивизии, тем более корпуса важно видеть, как действуют группы твоих истребителей, их ведущие, изучать тактику противника, уровень подготовки его экипажей. В боевых порядках какой-либо из групп все поле боя увидеть сложно. Наблюдения за поведением летчиков, как своих, так и противника, их анализ на земле, многое дают для улучшения организации последующих боевых действий. Кроме того, часто появляется возможность и необходимость своим вмешательством повлиять на ход событий в воздухе.

Проходим отроги гор, закрывающих Новороссийск с севера, и...

Принято считать, что летчики не подвержены эмоциям. Якобы эта профессия убивает все или, во всяком случае, многие человеческие чувства. Неправда. Да, профессия заставляет, учит уметь подавлять в себе проявления многих чувств, особенно таких, как страх, нервозность в трудной обстановке. Воз-

можно — летная профессия накладывает определенный отпечаток на внешнюю сторону проявления и других человеческих чувств: радости, горя, любви, ненависти. Но подавлять? Нет. Перефразируя известное — ничто человеческое не чуждо летчику. Разве можно, например, обойтись без предстартового, предбоевого волнения, которое заставляет тебя отбросить все лишнее, концентрирует твое сознание, волю, все физические и моральные силы на главном, что предстоит делать? Нет, летчики подвержены эмоциям.

Разговор об эмоциях не случаен. То, что я увидел на месте родного города, потрясло. Да, я знал, что Новороссийск сильно разрушен. Но такого не ожидал. Руины, руины, руины. На этой восточной стороне бухты — полуразрушенные стены цементных заводов «Пролетарий», на котором когда-то работал, и соседнего «Красный Октябрь». Разница между ними та, что «Красный Октябрь» в руках наших войск, остановивших здесь дальнейшее наступление вражеских войск, «Пролетарий» — у противника. В центральной части города из нескольких полууцелевших зданий узнаю одно — дом бывшего новороссийского богача Юккерса. На западной стороне бухты, как ни всматриваюсь, кроме очертаний берега, западного мола, ничего не узнаю. А ведь именно там моя Станичка. Да, вот там, за мысом Любви должен быть парк и от него южнее — невысокие домики пригородного поселка. Должны быть... И ничего нет.

Новороссийск никогда не отличался той, особой красотой курортных приморских городов. В нем не было ни стройных кипарисов, ни дворцов. Это был испокон веку рабочий, трудовой город. И мы, жители Новороссийска, видели его красоту в отрогах гор, где добывалось сырье для цементных заводов, в дыме труб этих заводов, в многочисленных причалах порта, в виноградниках на склонах Мысхако... И ничего нет.

В утреннем плотном воздухе самолет идет без болтанки. Небо пока чистое. Немецкие летчики, видимо, еще завтракают. Две группы истребителей полка Еремина идут в сторону моря. Оттуда вероятнее всего появление вражеских бомбардировщиков. Остальные патрулируют над плацдармом. Мы с Новиковым держимся над южной частью Цемесской бухты. Отсюда хорошо видны и наши самолеты, и плацдарм, и... Да, в утренней дымке просматривается Анапа, возле которой, как мы уже знаем, основная база истребительной авиации противника.

Есть время посмотреть на землю... На Малую землю.

Первое впечатление — там нет ничего живого. Темная земля вспаханного поля. Кто-то из летчиков потом так и сказал: «Поле, вспаханное плугом смерти, плугом войны». И оживляли его

только вспышки выстрелов, трассы пулеметных очередей по линии передовых позиций.

Обычно авиаторы обижались на наземные войска за то, что не всегда четко обозначают свой передний край. Здесь этой претензии предъявить нельзя. Сколько бы я ни летал в районе Малой земли: днем, ночью, на закате, на рассвете — всегда были видны вспышки выстрелов. Здесь всегда шли бои. Или наступал противник, или наши войска не давали ему покоя.

Я смотрел на плацдарм не только глазами летчика, а и человека, хорошо знавшего эту землю. И пытался представить: как же там живут люди? И не просто живут. Жить можно и под бомбежкой, зарывшись в землю, спрятавшись в блиндажах. Они воюют. Воюют постоянно. Представить было трудно. Невозможно.

Но вот, кажется, кончилась и наша «мирная» жизнь. С северо-запада идут, роятся в голубой дымке несколько групп истребителей. Ближе... «Мессершмитты». Их тонкие, хищные силуэты с другими не спутаешь. Идут смело. Наши группы они пока не видят, мы со стороны солнца. А идут смело потому, что еще вчера фашисты хотя и встретили здесь мужественное сопротивление советских летчиков, но слишком малыми силами.

Это, судя по всему, группы расчистки воздуха. Следом дойдут бомбардировщики или штурмовики в сопровождении истребителей.

Так оно и вышло. Хотя, судя по всему, прибывшие первыми фашистские летчики поняли, что в воздухе над плацдармом советских войск что-то изменилось — непривычно много истребителей, но остановить развитие событий они уже не могли. Краснозвездные «яки» вступили в бой.

Сразу бросилась в глаза наша ошибка. Если истребители корпуса летали над плацдармом на крейсерской, наиболее выгодной для продолжительности полета скорости, то фашистские подошли к району боя почти на максимальной. Это ставило их в более выгодное положение. Они атаковали и, используя резерв скорости, уходили с набором высоты, чтобы ударить снова. Но наши не растерялись. Они встречали противника на встречно пересекающихся курсах, затягивали их в бой на виражах, уходили из-под удара и атаковали сами, умело используя вертикальный маневр. Однако недостаток опыта сказывается. Некоторые группы рассыпались на пары и даже на одиночные самолеты, потеряли не только огневую, тактическую связь между собой, но и не видят друг друга.

Вот и первые сбывте. И с крестами на крыльях и со звездами. Одни, дымя, идут со снижением, тянут на свою территорию. Другие круто срываются вниз и почти под прямым углом

идут к воде бухты или к земле. После них короткий взрыв или столб взметнувшейся воды. Иные взрываются прямо в воздухе. И через несколько секунд то место, где только что шла боевая машина с человеком в кабине, ничем не напоминает о происшедшей трагедии. Недаром сказано, что далеко не у всех летчиков есть на земле могилы...

А вот показались и группы пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Позади и выше их — парами, четверками «мессершмитты». Ведущие наших двух групп, которые ходили над морем, заметили противника вовремя. Пошли на сближение. Эти успели набрать скорость. Одна группа действует очень удачно. Прикрывающая пара сразу связала боем истребителей сопровождения, ударная четверка врезалась в строй бомбардировщиков, с первой атаки подбив два самолета. Скорее всего это группа самого командира полка, майора Еремина. Фронтовой опыт что-нибудь да значит.

У второй дела не такие блестящие. Пара прикрытия шла слишком близко к основной (сказывается привычка летать плотным строем). «Мессершмитты» завязали бой со всей группой. Пикировщики спокойно идут к цели, к Малой земле. Настала, пожалуй, и наша очередь с Новиковым. Но вот из карусели боя буквально выскользнула пара «яков» и на догоне атакуют «юнкерсы». Один наш истребитель задымил, подбитый, видимо, стрелком бомбардировщика. Но второй сумел попасть мощной очередью в флагманский самолет, и тот неловко, словно нехотя перевернулся через левую плоскость и резко пошел к земле, оставив после себя белую ромашку парашюта. Только одну. Летчик, по всей видимости, убит.

Строй в группах бомбардировщиков смешался. Некоторые экипажи со снижением разворачиваются назад. Но другие упрямо идут вперед, к цели. Круто бросаю самолет вправо вниз. На Новикова можно не оглядываться. Не отстанет. Ему закон ведомого: умри, но ведущего не бросай, знаком давно. Пытаюсь одновременно связаться с кем-нибудь из своих по радио. Бесплезно. В наушниках шлемофона такой гвалт, что даже не разбираешь русскую и немецкую речь. Идем с крутым снижением в сторону «юнкерсов». С другой стороны подходят еще четыре «яка». Кто-то из «местных», номера не наши. Общими усилиями отбомбиться прицельно не дали...

Появляются новые группы самолетов со стороны противника и свежие силы наших истребителей. У нас на исходе горючее. Идем домой...

В штабе полковник Баранов уже подготовил итоги первого вылета, первых боев. Они еще неполные, но понять уже кое-что можно. Сбито двенадцать самолетов. Из них восемь бомбар-

дивовищков. Много это или мало? Сказать трудно. Главный результат будет известен позднее, когда наземные войска доложат о том, сколько бомбардировщиков прорвалось к нашим позициям. Для меня важно и другое — как действовали летчики, ведущие группы, которые достигли успеха. Ведь это наш первый опыт, первые победы.

В оперативном отделе, которым руководит опытный штабист полковник В. Г. Обойщиков, вычерчены схемы нескольких боев, составленных по докладам их участников, с контрольными снимками фотокинопулеметов. Разбираю один, второй. Каждый по-своему любопытен. Обратил я внимание на то, как уничтожила «мессершмитта» пара лейтенанта Алексея Машенкина. Он оказался единственным из ведущих пар, кто использовал в схватке с фашистским истребителем преимущество «яка» в вертикальном маневре. Это важно. Летчики-дальневосточники, севшие на Як-1 недавно, только во время формирования корпуса, не отрешились еще от опыта, обретенного в полетах на устаревших истребителях И-16, И-153, которые были сильней в горизонтальном пилотаже. А вот Машенкин в первом же бою сумел использовать все преимущества своего истребителя. Это было объяснимо. Он не из «наших», не дальневосточник. С начала войны и до последнего времени служил в запасном полку инструктором, обучал технике пилотирования на новых самолетах Яковлева тех, кто отправлялся на фронт.

Обучал он и наших дальневосточников. Когда узнал, что полк включен в корпус, отправляющийся в район боевых действий, стал просить (в который уже раз!) командование отпустить его на фронт. Отказали. Помог случай. Ему поручили перегнать учебно-тренировочный самолет в Подмосковье, где формировался наш корпус.

Передав самолет в 812-й полк, он попросил моего старого сослуживца, заместителя командира полка по политчасти капитана Т. Е. Пасынка, походатайствовать перед командованием корпуса. Пасынок, который сам побывал в подобной ситуации, об этом расскажу позже, написал мне, попросил лично побеседовать с летчиком.

Лейтенант Машенкин мне понравился. Он производил впечатление энергичного, уверенного в своих силах человека. Слетал с ним разок на учебном истребителе, посмотрел, каков в воздухе. Машенкин оказался отменным пилотажником. И страстно хотел воевать, хотел бить фашистов. Я решил, что парень для нас подойдет и, правда, с большим трудом, оформил его перевод в один из полков корпуса.

Так я стал причастен к сложной и драматической судьбе этого незаурядного человека. Воевал он отлично, скоро стал ко-

мандиром эскадрильи и хорошим командиром. В одном из боев — это случилось через два месяца, уже на Украине — его сбили. Тяжело раненный, обожженный, попал в плен. Бежал, но был схвачен и жестоко избит. Снова бежал, на этот раз удачно — попал в партизанский отряд. В отряде тоже смело воевал. Ходил за языком, подрывал на шоссе немецкие автомашины, участвовал в разгромах фашистских гарнизонов.

После того как пришла Советская Армия, летчик попал в пехоту, а потом был направлен в свою прежнюю часть, и Машенкин оказался в штабе воздушной армии, которой тогда был придан наш корпус. И тут я снова помог Алексею Машенкину, добился, чтобы ему разрешили вновь летать. Летчик оправдал оказанное доверие. Воевал до Берлина, лично сбил больше десятка фашистских самолетов. А когда его демобилизовали, опять с моей помощью сделался летчиком-испытателем.

Но вернемся к первым воздушным боям над Малой землей. Тогда Машенкин меня порадовал, и я подумал о нем: «Молодец, не зря на фронт рвался. Отличный воздушный боец из него получится».

Начало боевой работы корпуса показало, что ни один вылет наших истребителей не обошелся без встречи с противником, без ожесточенной схватки с ним. Недостаток боевого опыта наших летчиков давал себя знать. Восполняла его безграничная отвага, взаимовыручка, страстная жажда добиться победы любой ценой.

Так, например, действовала группа истребителей под командованием капитана И. Д. Батычко. На подходе к району патрулирования капитан увидел противника. Немецкие пикирующие бомбардировщики Ю-87, которых за каплевидные обтекатели на колесах шасси наши звали «лаптежниками», вытянувшись цепочкой, заходили на цель. Батычко действовал быстро и правильно. Он приказал паре лейтенанта А. Т. Тищенко атаковать пикировщиков, а сам остался на прикрытии от истребителей противника, которые могли появиться в любой момент.

Ведущий Ю-87 уже перешел в пикирование для бомбардировки, когда его настигли «яки» и ударили из пушек и пулеметов. «Лаптежник» задымил, но продолжал идти на цель. Еще очередь «Юнкерс» свалился на крыло и врезался в окопы передней линии немецких позиций. Тищенко и его ведомый В. С. Патраков вышли из атаки над самой землей.

Наши летчики набирают высоту и осматриваются. В небе так много самолетов, что сразу трудно понять, где находятся истребители капитана Батычко. Зато они разглядели, что к ним приближаются два самолета. Не поймешь, чьи — идут со стороны солнца. На всякий случай «яки» увеличивают скорость и

уходят вверх, не теряя из вида догоняющие неопознанные самолеты. Это «мессершмитты»! Один уже открывает огонь. У него скорость больше, и дистанция быстро сокращается. Положение опасное. Вдруг «мессершмитты» оставляют добычу и сваливаются в пики.

На помощь пришла пара «яков» Александра Туманова. У летчиков кончились боеприпасы, горючее было на исходе, но это их не остановило. Кстати, лейтенант Туманов потом поступал так всегда, и не один летчик обязан ему жизнью. Александр отлично пилотировал, а главное, в любой момент боя видел, что происходит вокруг, и всегда появлялся там, где было очень трудно.

Выручив товарищей, пара Туманова пошла на аэродром, а Тищенко со своим ведомым, у них еще оставались и боеприпасы и горючее, нашли свою группу, которая сорвала прицельный бомбовый удар противника по наземным войскам. Капитан Батычко правильно решил, что где-то на подходе должны находиться вражеские истребители прикрытия. Поэтому группа приняла эшелонированный боевой порядок. Выше пары Тищенко находились истребители Ивана Федорова, ниже — Машенкина и Николаенкова. Это позволяло хорошо просматривать воздушное пространство, поддерживать огневую и тактическую связь.

Вот появились и отставшие почему-то от своих бомбардировщиков «мессершмитты». Поздней мы поняли, что, хозяйничая до прибытия корпусов Резерва в воздухе, фашисты нередко посылали бомбардировщики без прикрытия, надеясь на группу своих истребителей, которая отвечала за весь район бомбардировки.

«Мессершмитты» заметили «яки» и заложили глубокий вираж. Тищенко с ведомым снова вступили в бой. Они повторили маневр «мессершмиттов». Самолеты сблизилась, и наши летчики увидели на фюзеляже ведущего нарисованную голубую стрелу, пронзающую красный шар, а на хвосте его ведомого была изображена кенгуру. Что греха таить, эти рисунки поначалу произвели впечатление. Ведь так — различными рисунками метили свои самолеты немецкие асы. Но тем более захотелось сразиться с ними, испытать себя.

Несколько минут противники виражили. И те и другие выбирали время для атаки. Наконец ведущий «мессер» решил. Он уменьшил скорость, пробуя зайти в хвост Тищенко. Тот понял маневр противника, перевел свой «як» на вертикаль, увидел, что пара других вражеских самолетов нацелилась на наш истребитель. Не обращая внимания на преследовавший его «мессершмитт», Тищенко, энергично развернувшись, бросил свой ястребок в пики. Перед ним оказался ведомый. Дистанция

была небольшой, и наш летчик с ходу дал точную очередь. «Мессер» вспыхнул.

А ведущий самолет противника уже настигал «яка», который почему-то не маневрировал, не пытался увернуться от удара. «Наверное, ранен,— подумал Тищенко,— или у него поврежден самолет. Медлить нельзя».

Имея преимущество в высоте, Тищенко свалил свой истребитель на левое крыло и с полупереворота, почти не прицеливаясь, дал по фашисту длинную очередь. Mimo. Отвернуть, выполнить повторную атаку уже не успеть. Решение пришло мгновенно. «Як» нырнул под «мессершмитт» и выскочил у него под самым носом. Замысел удался. Фашист оставил свою жертву и бросился за более близкой добычей, переведя свой самолет в вираж. Теперь оба самолета ходили по кругу, постепенно уменьшая его диаметр. От большой перегрузки глаза застилает розовая пелена. Самолет дрожит и вот-вот сорвется в штопор. Мелькает мысль, что долго такое напряжение не выдержать. Но немец испытывает то же самое, тут уж кто кого крепче.

Тищенко видит, как силуэт «мессершмитта» медленно, но верно подходит к сетке его прицела. Еще немного. Еще. Пора! Нажатие на гашетку, сейчас «як» знаком вздрогнет и убийственная трасса потянется к самолету противника. Но... пушка молчит. Боеприпасы израсходованы. Остается играть в «пошки-мышки», пока немец не поймет, что советский летчик для него безопасен, просто мишень. И тот понял это быстро. Вдруг в наушниках шлемофона, среди беспорядочного гвалта русской и немецкой речи Тищенко узнает знакомый голос Ивана Федорова: «Держись, Саша! Вижу! Иду!»

Теплой волной нахлынула радость. Сил прибавилось. И еще круче вираж. От перегрузки стала лопаться на плоскостях обшивка. А через несколько секунд уже торжествующий голос Федорова: «Не нравится! Еще добавим!»

Это Иван Федоров подбадривает Тищенко, расстреливая фашистский самолет, летчик которого увлекся виражной «каруселью».

На земле Тищенко выяснил, что самолет Василия Лугового, спасая которого он сам чуть не попал в беду, оказался вполне исправным, а летчик невредимым.

— Что же ты делаешь! Кто так воет! Почему подставил хвост и не маневрировал! — возмутился Тищенко.

А Луговой ему спокойно:

— Умышленно, Саша. Боеприпасы у меня кончились. Я вижу, что ты на выручку идешь. А чем тебе помочь? Вот и решил идти прямехонько. Ведь если бы я начал маневр, фашист тоже. Тебе же труднее было целиться...

Вот тебе и на! Лейтенант Луговой, находясь в тяжелом положении, старался таким необычным и рискованным способом помочь товарищу уничтожить врага. Ради этого рисковал жизнью. Да, главное — уничтожить врага. С такой мыслью, с огромным чувством долга сражались летчики.

Они, летая над позициями плацдарма, не могли, конечно, видеть все, что творилось на земле в те дни, но хорошо представляли, какие ожесточенные бои ведут доблестные защитники Малой земли хотя бы по высокой интенсивности вспышек огня всех видов оружия, которые видно было издалека. И не могли иначе.

Летчики-дальневосточники рвались в бой, в схватку с ненавистным врагом еще и потому, что считали себя в неоплатном долгу перед фронтовиками, перед теми, кто боролся с фашистами с первых дней войны, а «не сидел в тылу» почти два года, как они.

Конечно, в первом же бою с сильным, опытным противником мы понесли и потери. О гибели нескольких человек известно уже доподлинно. Четверо, есть надежда, на подбитых, покалеченных самолетах сумели выйти из боя и сели на вынужденную на своей территории. Никогда не вернуться в строй хорошо знакомые мне дальневосточники Д. Тюгаев, С. Крысов, П. Заспин. Тяжелая утрата. Первые потери... К этому привыкнуть невозможно. Как всегда на войне — радость победы не бывает чистой. Ее омрачают утраты боевых товарищей...

А война продолжается. Ей не до наших радостей и печалей. И основные события сегодняшнего дня, 20 апреля, все еще впереди. Мы только вступили в воздушное сражение над Малой землей.

Да, именно в сражение, так как воздушные бои над плацдармом 18-й армии переросли в небывалую до сих пор на фронтах Великой Отечественной войны воздушную битву. Именно в эти дни здесь, на Кубани, группа офицеров и генералов 4-й воздушной армии вместе с работниками оперативного управления штаба ВВС Советской Армии, среди которых были офицеры Н. Ф. Андрианов, А. Н. Мальцев, М. Н. Кожевников, разработали план авиационного наступления. Примечателен он тем, что разработан был впервые так детально и в полном объеме. В нем тщательно учитывался богатый опыт использования авиации под Москвой, Ленинградом и Сталинградом.

20 апреля план авиационного наступления Военно-Воздушных Сил Северо-Кавказского фронта с приданной авиацией Резерва Верховного Главнокомандования по разгрому группировки противника на Таманском полуострове был утвержден Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым и командующим ВВС

Советской Армии маршалом авиации А. А. Новиковым, которые по заданию Ставки находились в это время на нашем фронте.

План предусматривал: завоевание господства в воздухе уничтожением авиации противника в воздушных боях и ударами по аэродромам; уничтожение вражеской живой силы и боевой техники бомбардировочными и штурмовыми ударами; активную помощь обороне наших десантных частей и соединений на плацдарме юго-западнее Новороссийска (т. е. на Малой земле.— Авт.); постоянное ведение воздушной разведки в интересах войск и авиации фронта.

Для выполнения поставленных задач привлекалось 1048 самолетов, в том числе 370 истребителей.

В плане было существенное примечание: в случае проявления противником особой активности на земле и в воздухе против десантной группы войск в районе юго-западнее Новороссийска вся авиация фронта перенацеливается ей на помощь.

По требованиям примечания этого плана 20 апреля 1943 года начала работать вся авиация Северо-Кавказского фронта с приданными соединениями Резерва Верховного Главнокомандования. В их числе начал свои боевые действия и 3-й истребительный авиационный корпус.

АСЫ РОЖДАЮТСЯ В БОЯХ

Трудно мне передать, что творилось в небе. Куда ни глянешь, то в одиночку, то звеньями сходились в смертельных петлях наши и немецкие самолеты. Черные шлейфы сбитых машин, пересекая друг друга, тянулись к земле. За три дня боев наши летчики сбили над Малой землей 117 вражеских самолетов.

Л. И. БРЕЖНЕВ. «Малая земля».

Взятые эпиграфом к этой главе слова Леонида Ильича Брежнева очень образно, ярко и правдиво рисуют картину воздушных боев над Малой землей в конце апреля сорок третьего года. Это рассказ человека, который испытал на себе ужас постоянных бомбежек и штурмовых ударов авиации. Хорошо известно, что самое неприятное при этом не страх перед гибелью, а ощущение своего собственного бессилия перед смертью, летящей с неба.

Но главное не только в яркой картине воздушных боев, написанной автором книги «Малая земля». Леонид Ильич Брежнев в воспоминаниях об одном эпизоде войны высказывает глубокие, важные мысли о роли авиации, точно определяет ее место и значение в боевых действиях наземных войск.

Нужно сказать, что в начальный период войны, в ее трудные дни, далеко не все общевойсковые командиры и политработники правильно понимали роль и значение авиации. Сказались, конечно, и слабость наших ВВС и трудности с организацией взаимодействия. Но, повторяю, не всегда умело использовалось в интересах наземных войск и то, чем мы располагали. Поздней, в битве под Москвой, сражении под Сталинградом Военно-Воздушные Силы фронтов действовали уже в более тесном взаимодействии с наземными войсками. Здесь, на Северо-Кавказском фронте, крупные силы авиации вели свои боевые действия в строгом соответствии с конкретными задачами наземных войск.

Штаб Северо-Кавказского фронта, его новый командующий генерал-полковник И. Е. Петров, командующие общевойсковыми армиями, в том числе генералы А. А. Гречко, К. Н. Леселидзе, Военные Советы объединений, политорганы и их руководители не только понимали значение авиации, но и умело организовывали взаимодействие с ней своих войск. Командование воздушной армии, авиационных корпусов Резерва Верховного Главного командования, соединений Авиации Дальнего Действия всегда и в полной мере старалось оказать наземным войскам необходимую поддержку, выполняя одновременно свою главную задачу — борьбу за господство в воздухе.

Вернемся к апрельским событиям в небе над Малой землей. Двадцатого числа, когда в сражение вступили мощные авиационные силы Резерва Верховного Главного командования, фашисты еще не осознали полного провала своих планов по уничтожению группировки советских войск на плацдарме Мысхако силами своей 17-й армии и эскадрами 4-го воздушного флота люфтваффе. И в воздухе и на земле они бросали все новые и новые силы. Позднее мы узнали, что именно 20 апреля было крайним сроком, когда немецко-фашистское командование намеряло разгромить войска нашей 18-й десантной армии.

После первых утренних вылетов мне позвонил начальник штаба 4-й воздушной армии генерал А. З. Устинов, уточнил обстановку и задачу корпуса.

Оказалось, что в районе поселка Федотовки, расположенной левее центрального участка обороны малоземельцев, противник сосредоточивает большое количество боевой техники. Пленные, захваченные защитниками плацдарма, показывают, что ближе к полудню начнется новое мощное наступление на позиции десанта. Ясно, что наступлению будет предшествовать авиационная и артиллерийская подготовка и оно будет сопровождаться сильными ударами бомбардировщиков и штурмовиков.

— Командование, — перешел генерал Устинов на более официальный тон, как и положено при отдаче распоряжения, — решило: с одиннадцати часов начать авиационную контрподготовку. Идут бомбардировщики генерала Ушакова и штурмовики генерала Еременко. Сопровождать их будут истребители других частей. Все силы вашего корпуса — на прикрытии плацдарма. Организационные вопросы с вашим начштаба согласованы.

Генерал помолчал и озабоченно, не без тревоги в голосе закончил:

— Поймите меня правильно, Евгений Яковлевич. Те бои, которые вели сейчас ваши летчики, еще не бои. Если бы вы знали, что там, над Малой землей, творилось вчера, позавчера... Но сегодня не семнадцатое, а двадцатое. Соотношение сил при-

мерно теперь у нас равное. Весь вопрос в том, как мы используем свои. Но в любом случае будет тяжело... Им очень мешает наш плацдарм. Очень.

Да, я и мои летчики действительно еще не представляли, что может твориться в воздухе над сравнительно небольшой территорией.

Более ста советских бомбардировщиков нанесли по боевым порядкам приготовившихся к наступлению фашистов внезапный удар. Однако запущенная приказом машина наступления уже работала. Жестокие бои разгорелись на земле, не менее жестокие — в воздухе.

В 16 часов 20 минут еще сотня бомбардировщиков совершила налет на позиции и ближние тылы немецко-фашистских войск. В это же время, пытаясь поправить свои дела, противник резко повысил активность авиации.

В воздухе одновременно дрались между собой пятьдесят — шестьдесят самолетов. Бомбардировщики и наши и вражеские старались во что бы то ни стало прорваться к своим целям — передовым позициям наземных войск, к резервам, подходящим из тыла. Для фашистских экипажей важными объектами были суда, подвозившие к Малой земле пополнение, боеприпасы. Истребители сопровождения бомбардировщиков отбивали атаки нападающих самолетов. Истребительные группы прикрытия старались не допустить бомбардировки своих войск.

Над Малой землей и над позициями фашистов весь день стояли столбы пыли и дыма. И невольно я вспоминаю наш старый дом, двор, в котором мы играли мальчишками, такие же дома по Варваровской улице. Теперь на этом месте... перерытая бомбами и снарядами каменистая земля. Но она не мертва. Это видно по частым вспышкам выстрелов всех видов оружия. Это понятно и по тому, как рвутся к плацдарму новые и новые группы фашистских самолетов.

Весь день не прекращались воздушные бои над Новороссийском, над Цемесской бухтой, над Малой землей. Горели, взрывались в воздухе, падали «юнкерсы» и «хейнкели», «мессершмитты» и «фоккеры», «яки» и «лаги», «илы» и «пешки». Однако перевес, к концу дня это стало очевидным, на нашей стороне.

По традиции, заведенной еще во время формирования корпуса, на исходе дня я старался побывать на всех аэродромах. Особенно в тех полках, где дела шли менее удачно. Мы подводили с командирами и летчиками итоги, разбирали, анализировали наиболее характерные ошибки, допущенные в воздухе, недостатки в организации боевых действий. Осмысливали наиболее удачные бои, делились мнениями о противнике. В таких бесе-

дах определялась дальнейшая тактика наших действий. Летчики перенимали друг у друга опыт.

Выводы по первому дню боевой работы были, несмотря на внушительную победу, не совсем приятные. Не только из-за потерь. Хотя все без исключения дрались смело, напористо, активно, много было промахов и ошибок. Ведущие, командиры групп не всегда учитывали особенности воздушной обстановки. Были случаи, когда из-за похвального в общем-то желания уничтожить противника ведущие групп прикрытия сами себе меняли задачу и бросались в атаку на бомбардировщиков вместо того, чтобы связывать боем сопровождающих их истребителей. По той же причине ведомые оставляли ведущих и сами атаковали врага. Словом, обладая хорошей личной подготовкой, дальневосточники в группе вели бои не всегда организованно. Во многих случаях становились жертвой своей собственной неосмотрительности.

Понятно, многие ошибки вызваны отсутствием того самого боевого опыта. Летчик, побывавший в боях, никогда не бросит своего ведущего. Атакует цель не потому, что она ближе к нему и ее легче сбить, а ту, уничтожение которой принесет больше пользы в сложившейся ситуации боя. Это я прекрасно понимал.

Не мог я предъявить серьезных претензий и по другой причине. Даже наши выдавшие виды учителя из дивизии полковника И. М. Дзусова, которых генерал Вершинин выделил для обучения тактике боевых действий, не скрывали своего удивления массовостью и жесточенностью сегодняшних боев. Капитан Н. К. Наумчик и старший лейтенант И. М. Горбунов прямо заявили: «Тут было не до обучения. Времени хватало только на то, чтобы атаковать или самому уходить из-под удара». Оба они сбили по вражескому самолету.

Открыли боевой счет и многие летчики корпуса. Отличились в первых боях капитаны И. Д. Батычко, Д. Е. Николаенков, В. Г. Лапшин, С. А. Лебедев, лейтенанты А. Т. Тищенко, А. Б. Манукян, А. И. Машенкин. И, конечно, умело воевали опытные воздушные бойцы А. Е. Рубахин, А. У. Еремин, Герой Советского Союза А. И. Новиков. Всех отличившихся перечислить просто невозможно.

Немало прибавилось и могил летчиков. Могил без обелисков, без фотографий, без надписей. Могил, оставшихся только в памяти живых вспышками огня в воздухе, взрывами на земле, всплесками воды в бухте и море...

Ежедневное подведение итогов, разборы результатов летного дня, встречи командного состава, корпуса с летчиками пол-

ков, кроме практической пользы, имели свои и психологические аспекты. Их много. Остановлюсь на двух.

Все люди тяжело переживают утрату близких — родственников, друзей, боевых товарищей. Летчиков, это я знаю доподлинно, гибель однополчанина, даже незнакомого пилота, потрясает. (Это тоже к вопросу об эмоциях.) Внешних проявлений в поведении, жестах, голосе может не быть. Но в деле, в завтрашних полетах и боях может сказаться. Нет, не в трусости или растерянности перед лицом опасности. Хотя и такие случаи бывали. Это может проявиться прежде всего в излишней горячности, невыдержанности, в неоправданном желании броситься навстречу ненужному в данной ситуации риску.

Наши своеобразные разговоры по итогам дня, боевой работы, на мой взгляд, отвлекали в какой-то степени людей от невеселых размышлений в самые острые, первые моменты после свершившегося. Это во-первых.

Во-вторых. Неписаное правило гласит — о покойных плохо не говорят, их не судят. Но летчик нередко погибает из-за своих ошибок и промахов. Друзья погибшего, его непосредственный командир, а он тоже зачастую был другом, в силу этого самогo закона этики не будут обсуждать ошибки не вернувшегося из боя. Но не понятая сегодня, невыясненная ошибка и ее причины завтра приведут к тем же ошибкам и новым жертвам. Может быть, кто-то считал командира корпуса жестоким, бесчувственным, но я, как правило, останавливался именно на тех боях, где мы несли потери по собственной вине. И пусть поверят мне оставшиеся жить однополчане — вашему комкору так же больно было за каждого не вернувшегося с задания. И, может быть, кто-то из вас, читающих сейчас эти строки, победил на следующий день после грустного разговора, победил и дошел до Берлина именно потому, что не допустил ошибки, ставшей роковой для одного из наших товарищей...

Да, будем откровенными — в первых боях мы много допускали ошибок. Но мы обращали на них самое серьезное внимание, учились не повторять их, учились воевать. Учились друг у друга и у противника.

Вспоминается один примечательный случай. Как-то я приказал своему помощнику по воздушно-стрелковой подготовке Герою Советского Союза Алексею Новикову побывать в полку, который нес большие потери, а самолетов противника его летчики сбивали значительно меньше, чем в других частях. Нужно было разобраться в причинах, помочь, подсказать, научить в конце концов воевать. Новиков сразу же доложил мне, что он проанализировал уже все последние бои, в которых летчики полка не добились успеха:

— Причин, товарищ генерал, несколько. Основная — из-за неопытности, не обстрелянные еще, — начинают огонь с большой дальности. Стесняются, мягко говоря, поближе подойти...

Чувствую, что Новиков уже что-то придумал, но продолжаю ставить задачу:

— Вот и подскажите им, разберите на моделях несколько вариантов атаки, еще раз расскажите им о возможностях оружия «яка» и самолетов противника, о пилотажных преимуществах нашего истребителя.

Новиков, помявшись, спрашивает:

— Разрешите учебный бой, показательный, провести?

— Конечно. Выберите в «противники» хорошего летчика и над аэродромом покрутитесь как следует, — все еще не догадываясь, к чему клонит мой помощник, разрешаю я.

— Нет, товарищ генерал, не со своими. С немцами.

— ?!

Новиков, не обращая внимания на мое недоумение, поясняет:

— Понимаете, товарищ генерал, покрутитесь со своими можно. Но это значит опять показывать личную технику пилотирования. А ребята и сами неплохо летают. Тут как ни крути стрельбы-то нет. Не страшно, что тебя собьют. А вот если бы... — он опять помялся, понимая неожиданность своего предложения, — вот если бы показать им, как нужно атаковать, стрелять по наступающему «мессеру» или «юнкерсу»... Тут уж наглядно и, как говорится, все по правде будет...

Ну и ну! Я хорошо знал Алексея Новикова. Недаром сам просил кадровиков отозвать его с фронта и назначить в корпус при формировании. Знал, что он не просто хороший воздушный боец, а боец с выдумкой, инициативой. Но придумать такое? Однако, поразмыслив, понял, что такой урок для молодых летчиков будет действительно очень наглядным. Получится ли только? Да и риск.

У Новикова и на это был ответ. Своим приятным баском он уверенно сказал:

— Получится, товарищ генерал. Какая разница, как немца бить, со зрителями или без них? Да и «ученики», если что, помогут.

Удивились и в полку, когда Новиков, собрав летчиков, заявил:

— Ругать я вас не собираюсь, особых лекций читать тоже не буду. Лучше покажу, как надо сбивать фашистов.

Он и здесь не обратил внимания на недоуменные взгляды, а рассказал о том, как все будет происходить. Новиков решил поднять в воздух восьмерку самолетов, пилотируемых молоды-

ми летчиками и искать противника. Перед вылетом предупредил:

— Атакую только я. Всем внимательно смотреть. В бой вступать по моей команде.

В те дни встречи с противником искать особо не приходилось. Небо нашпиговано самолетами. Группа Новикова с помощью наземного пункта управления быстро вышла на летящие к передовым позициям «юнкеры». Двенадцать бомбардировщиков шли плотным строем. Один из группы чуть отстал. Все думали, что Новиков будет атаковать именно его. Но Алексей думал по-своему:

— Бью ведущего, — слышался его голос. — Смотреть внимательно!

Истребитель Новикова, используя преимущество в высоте, набрал скорость, круто развернулся и стал пикировать на голову колонны «юнкеров». Расстояние быстро сокращалось. Казалось, что «як» врежется в бомбардировщик. Но вот флагманский самолет противника вспыхнул, а истребитель Новикова, прорезав дымную полосу от «юнкера», с набором высоты шел к группе своих учеников, и тут же они услышали приказ учителя:

— Атаковать «бомберов»! Делать, как я!

На земле после окончания боя восхищенные летчики окружили своего учителя. Самолет Новикова был покрыт сажей. Немудрено — он прошел в нескольких метрах от сбитого бомбардировщика.

— Сколько вы снарядов выпустили? — поинтересовался кто-то.

— Не больше трех, — уверенно ответил майор.

Оружейник подтвердил слова Новикова.

Что могло быть убедительней этой демонстрации боевого мастерства и возможностей нашего истребителя? Она произвела сильное впечатление на молодежь да и на бывалых воздушных бойцов.

— Надо сближаться с противником на максимальной скорости, — пояснил Новиков. — Тогда стрелок бомбера теряется и не может вести прицельный огонь...

Затем майор Новиков с помощью приготовленных заранее схем и расчетов подвел под свой практический урок прочную теоретическую базу, рассказал о способах лучшего использования возможностей «яка» и его оружия при атаках тех или иных воздушных целей. Несомненно, такая школа принесла пользу. Недаром говорят, что лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать.

В те же дни мы обратили особое внимание на боевую сколоченность пар и звеньев в группах эскадрильи, на отработку

тактического и огневого взаимодействия. Во многом помог нам опыт уже известных в воздушной армии летчиков Н. К. Наумчика, И. М. Горбунова, братьев Дмитрия и Бориса Глинки. Большого внимания заслуживала боевая работа командира эскадрильи 16-го гвардейского истребительного авиационного полка капитана А. И. Покрышкина. Как писала в те дни армейская газета «Крылья Советов», комэск умело организовывал действия пар и звеньев своего подразделения, отличался личным мужеством и решительностью в бою.

Немало было хороших бойцов в 216-й авиадивизии, в которую входил этот гвардейский полк. Командовать в это время дивизией стал опытный командир, замечательный летчик Ибрагим Магомедович Дзусов. На этой истребительной дивизии в основном и лежала вся тяжесть борьбы в воздухе до прибытия нашего корпуса. Летчики ее полков за три предыдущие недели в жестоких боях приобрели большой опыт, но и изрядно устали. Было много потерь.

Теперь истребители 3-го авиакорпуса в ожесточенных боях над Малой землей тоже приобретали боевой опыт. Как в любой профессии мастером можно стать только в деле, в большом труде, так и асы рождаются в боях. И чем трудней бой, чем опытней противник, чем больше труда вкладывается в победу, преодолевается опасностей, тем быстрее закаляется воздушный боец.

А противник у нас был серьезный. На 4-й воздушный флот (люфтфлотте-4) немецко-фашистское командование в своих операциях на юге весной 1943 года возлагало большие надежды. После того как под Сталинградом от эскадр флота, среди которых была и знаменитая «Удет», советские летчики оставили одни названия, их основательно перестроили. Практически все авиационные группы эскадр прибыли новые из Германии и оккупированных ею стран Европы. В люфтфлотте-4 входила и одна из лучших истребительных эскадр люфтваффе — «Мельдерс». Все соединения укомплектованы опытным летным составом, новыми истребителями ФВ-190а и последними модифицированными «мессершмиттами» Ме-109Г-2 и Г-4 с моторами увеличенной мощности, сильным пушечно-пулеметным вооружением, улучшенной броневой защитой.

В том, что летчик и командиры подразделений истребительных эскадр были опытными, я убедился в первых же боях. Они грамотно строили боевые порядки, умело использовали фактор внезапности, особенности метеорологических условий, не без успеха могли создать перевес сил в отдельных ситуациях боевой обстановки. Основа их тактики при борьбе с на-

шими истребителями оставалась, правда, старой. Нападали они только при численном превосходстве. Но это уже шло от бандитской идеологии фашизма — нападать из-за угла и только на того, кто слабей. Но должное следует отдать — профессионально летчики этих эскадр были подготовлены хорошо. Они уверенно пилотировали, метко стреляли.

Сколько раз мне с ведомыми приходилось вступать в бой, а это неизбежно при полетах в районе действия авиации, прямо скажу — легких побед не было. И нередко механикам приходилось латать рваные отверстия на моем «яке» от снарядов «эрликонов» — скорострельных авиационных пушек.

Да, вступать в бой приходилось нередко. Иногда к этому вынуждала воздушная обстановка, необходимость оказать помощь своим летчикам, создать в какой-то момент боя перевес сил, нанести неожиданный удар. Нередко даже при желании уйти от схватки с противником сделать это не представлялось возможным. Немецкие истребители атаковали мою пару с непривычной настойчивостью, подчас бросая даже более легкую цель, что в общем-то для немецких летчиков несвойственно.

Были случаи, когда группа из четырех—шести «мессершмиттов» выходила из общей схватки, бросала своих подопечных бомбардировщиков и с каким-то непонятным упрямством лезла на меня и моего ведомого. Возможно, они считали отдельно летящую пару «яков» более легкой добычей, чем достижение успеха в бою, где действуют несколько десятков самолетов с той и другой стороны; может быть, не без основания считали, что в отдельно летящей паре самолетов находится командир, управляющий боем в воздухе. Короче говоря, о такой непривычной настойчивости немецких летчиков оставалось лишь догадываться.

И только через много лет после войны была обнаружена любопытная телефонограмма командующего люфтваффе-4 командирам истребительных групп. Она гласила: «При встрече с противником всем летчикам обращать особое внимание на отдельно летящую пару (самолет) типа «як». Принять все меры для уничтожения. Возможно, что это русский генерал Савицкий».

Жалко, не знал я тогда, какой высокой чести с персональной опекой был удостоен...

Дорого доставалась нам победа в воздушных боях над Малой землей, над Кубанью. Только в одном 812-м авиаполку за месяц боевых действий было потеряно девятнадцать летчиков и двадцать пять самолетов. Жестокое время, тяжелые бои. Но снова и снова взлетают наши истребители и идут на задание. Идут отомстить за погибших товарищей, за поруганную нашу землю, идут помочь защитникам Малой земли выстоять и по-

бедить. И продолжают бои, и горят, взрываются в воздухе самолеты. Наши и противника. Но с каждым днем, с каждым боем фашистских самолетов падает больше и больше.

Однажды мне доложили из 812-го полка, что капитан П. Т. Тарасов со своим ведомым лейтенантом С. П. Калугиным взяли в плен... «мессершмитт» вместе с летчиком. Такого я еще не слыхивал. Срочно туда. Капитан Тарасов смотрит простодушно, а в глазах этакая лукавинка.

— Докладывайте, товарищ Тарасов!

Тот совсем не по-уставному рассказал:

— Идем мы, товарищ генерал, с моим ведомым лейтенантом Калугиным домой с задания. Неудачный вылет был. Безрезультатный. Зря только боеприпасы израсходовали. Идем, значит, на малых оборотиках мотора. Горючее уже на исходе. Смотрим, этот король воздуха,— кивает он на стоящего возле «мессершмитта» здоровенного детину в кожаной куртке,— что-то возле земли ползает. Я Калугину: «Заходи справа». Сам слева встал. Тот увидел — и деру. Очередь ему пулеметную под нос. Пошел прямо. А куда деваться? Сверху по сторонам — мы, снизу — земля. Привели... Без шасси вот только, гад, плюхнулся, машину подпортил...

По словам капитана Тарасова, все произошло случайно и очень просто. Увидели, подошли, взяли. А сколько при этом потребовалось мастерства, согласованности в действиях, выдумки! Немецкий пилот, судя по возрасту, был из опытных. Уточнил рассказ Тарасова парторг полка капитан Лисицин.

— Уже несколько дней Тарасов и Калугин пытались изловить «мессера»,— сказал он.— Все продумали и приемы отработали. Они, товарищ генерал, решили вам к майскому празднику подарок сделать. Во-первых, вы умеете на «мессере» летать, а во-вторых, пленный летчик что-нибудь и расскажет.

Трофейный истребитель быстро отремонтировали, и я полетал на нем с пользой. Опять провел с летчиками несколько учебно-показательных боев с учетом уже нового опыта и возможностей модифицированного самолета. Выполнял и другие полеты, пока «мессершмитт» не забрали на выставку трофейного оружия.

Много ценного мы узнали от пленного фашиста. Он был из истребительной эскадры «Удет». Опытный. Один из немногих, который воевал с нами еще под Сталинградом. Сначала он хвастливо заявил, что в составе флота есть истребительная эскадра, почти все летчики которой имеют высшую награду — бриллиантовые подвески к железному кресту. Но тут же оценил их по-другому. Смысл оценки заключался в том, что все эти

кресты и подвески «заработаны в странах Европы, а сейчас ценятся летчики с... русским опытом»,— дословный перевод его заключения.

— Ну вот,— рассмеялся начальник разведки дивизии майор И. П. Цыбин,— наконец-то поняли, что у наших летчиков есть чему поучиться. А то раньше допрашиваешь — а он в амбицию: «Я пролетел все небо Европы! Я воевал во Франции!» Вот вам и бриллиантовые подвески...

Рассказал пленный и о том, что несколько дней назад они, немецкие летчики, были буквально ошарашены огромным количеством русских истребителей, появившихся над плацдармом советского десанта. Сейчас, правда, командование, по его словам, выяснило, что сюда прибыло отборное соединение истребителей.

Что ж, похвала противника приятна. Тем более что «отборные» полки корпуса не только учились воевать, но и довольно успешно били летчиков и из «Удет», и из «Мельдерс», и тех самых, с бриллиантовыми подвесками. Однако это и нам обходилось недешево, требовало огромного напряжения духовных и физических сил. Привожу скучные строчки боевых донесений из авиаполков:

«Группа истребителей во главе с командиром эскадрильи капитаном И. Д. Батычко перехватила на подступах к Малой земле двенадцать пикирующих бомбардировщиков Ю-87, летящих под прикрытием четверки Ме-109. С первой атаки капитан Батычко сбил ведущего бомбардировщика. Строй фашистов нарушился. Ведомые капитана Батычко уничтожили еще два бомбардировщика. Бомбовый удар по Мысхако сорван. В этом же бою пара лейтенанта В. И. Лугового связала боем истребителей прикрытия и двух уничтожила. Капитан Батычко погиб...»

«Четверка под командованием капитана В. Г. Лапшина в составе летчиков М. И. Куценко, В. С. Конобаева и Н. П. Логвиненко сбила шесть самолетов противника в одном бою. Куценко уничтожил три, Логвиненко — два фашистских истребителя. В тот же день лейтенант А. Б. Манукян сбил два вражеских самолета».

«Отличились летчики коммунисты С. П. Шпуняков, А. Ф. Гаврилин, А. И. Рубахин».

«Девятка истребителей майора А. У. Еремина атаковала группу «юнкерсов», направляющихся к плацдарму наших войск. Уничтожено пять бомбардировщиков. Налет сорван».

«Группа самолетов Як-1 под руководством командира полка подполковника В. А. Папкова уничтожила семь самолетов противника. Подполковник Папков из боя не вернулся...»

И так воевали летчики корпуса каждый день в воздушном сражении над Малой землей. А ведь, кроме нас, здесь сражались многие части и соединения 4-й воздушной армии, Авиац-ии Дальнего Действия, Черноморского флота, двух других корпусов Резерва Верховного Главнокомандования. Истребители, бомбардировщики, штурмовики, разведчики делали все, чтобы облегчить положение советских войск на плацдарме, помочь им справиться с рвущимся на Малую землю врагом.

Особенно хочется вспомнить летчиц 46-го гвардейского авиационного полка ночных бомбардировщиков, которым командовала Евдокия Бершанская. Полк летал на самолетах У-2 конструкции Поликарпова. Это был легкий биплан со звездобразным мотором воздушного охлаждения, тихходный, устойчивый, простой в управлении. У-2 представлял собой отличный учебный самолет, «прощавший» многие ошибки начинающим пилотам. На У-2 впервые поднялись в воздух тысячи и тысячи советских летчиков. Во время войны учебный самолет снабдили устройством для подвески бомб, и он стал ночным бомбардировщиком.

На Кубани, а позднее в Крыму мы размещались по соседству с полком Бершанской и хорошо знали боевые дела женских экипажей. Во время ожесточенных боев на Малой земле они оказали значительную помощь защитникам плацдарма. Делая за ночь по нескольку боевых вылетов, У-2 доставляли на плацдарм медикаменты, почту, боеприпасы, а главное, непрерывно бомбили передний край противника, его штабы, нанося потери, деморализуя вражеских солдат и офицеров. Теперь трудно даже представить, что такие молодые девушки, почти девочки, могли на своих легких У-2, беззащитных перед истребителями, уязвимых для любого зенитного огня, воевать так бесстрашно и упорно.

Помню, как в одну из апрельских ночей женский полк бомбил скопления техники и живой силы противника в районе Новороссийска. В небе светлая, полная луна. Один за другим взмывали в воздух легкие бипланы. При подходе к цели девушки выключали моторы, стараясь неслышно спланировать на объекты бомбардировки, но гитлеровские зенитчики и прожектористы не дремали. Вокруг беззащитного, освещенного прожекторами биплана бесновались разрывы зенитных снарядов, осколки прошивали насквозь его фанерное тело. Но ничто не могло заставить девушек-воинов свернуть с боевого курса. И взрывами, пожарами, паникой отмечался на вражеской территории маршрут отважных летчиц.

Но и на аэродроме Пашковская, где базировался в те дни полк, росли могильные холмики, украшенные цветами. Полина

Макагон, Лида Свистунова, Юлия Пашкова... В ту ночь, о которой идет речь, прямо в кабине самолета на боевом курсе была убита летчица Евдокия Носаль. Штурман Ира Каширина привела самолет домой и сумела произвести посадку. Евдокия Носаль была посмертно удостоена звания Героя Советского Союза. Отважно воевали в небе Малой земли летчицы полка Руфина Гашева, Марина Чечнева, Таня Макарова, Вера Белик, Полина Гельман, ставшие Героями Советского Союза, и их боевые крылатые подруги...

А на земле эти грозные воительницы — летчицы, штурманы Гвардейского женского полка ночных бомбардировщиков — были обыкновенными, очень молоденькими и красивыми девушками. Они красили шелковые подшлемники так, чтобы они подходили под цвет глаз, в свободное время шептались с подружками, поверяя сердечные тайны, горько плакали, когда теряли в бою своих подруг.

К этим юным, нежным и таким самоотверженным девушкам я всегда питал глубокое уважение, восхищался ими... и при этом чувствовал себя виноватым, как это бывает, когда молодой, сильный мужчина видит, что тяжелую работу выполняет слабая женщина. Да какую тяжелую и кровавую работу! Летчицы и штурманы гвардейского женского полка ночных бомбардировщиков были истинными дочерьми своего народа, он мог по праву ими гордиться, и даже в большей степени, чем лучшими своими сыновьями...

А Малая земля сражалась. Ставка Верховного Главнокомандования, понимая важность плацдарма для развития дальнейших боевых действий на южном участке фронта, поставила задачу удержать его во что бы то ни стало. Понимал значение Малой земли для советских войск и противник. 20 апреля он начал новое генеральное наступление на этот раз по всему фронту плацдарма, до предела используя свою авиацию. За этот день, несмотря на все усилия наших истребителей, немецкие бомбардировщики совершили в район Малой земли около 1200 самолето-вылетов и сбросили 4000 авиабомб.

В районе плацдарма разглядеть с воздуха землю невозможно — стоял сплошной дым от разрывов. Мы, летчики, могли только догадываться, что там творилось. Позволю себе обратиться к книге Леонида Ильича Брежнева, к тому месту, где автор описывает самый тяжелый, по его словам, день из всех пережитых на Малой земле. «Горела земля, дымились камни, плавился металл, рушился бетон, но люди, верные своей клятве, не попятись с этой земли. Роты сдерживали натиск батальонов, батальоны перемалывали полки. Накалялись стволы пулеметов, раненые, оттолкнув санитаров, бросались с грана-

тами на танки, в рукопашных схватках бились прикладами и ножами...»

Малая земля... Хорошо помню, как в общежитии летчиков 812-го полка увидел необыкновенный плакат. На нем были изображены контуры плацдарма 18-й армии на Мысхако. Ярко-красная территория с крупной надписью «Малая земля» окаймлена морем, натушеванным синим карандашом. Над всем этим огромные черные крылья с крестами. И надпись примерно такого плана: «Летчик! Ты читаешь сейчас эти строки. Значит, ты дома, в безопасности! Ты можешь сейчас пообедать, даже отдохнуть. А там, над Малой землей, черная тень черных крыльев! Торопись в кабину истребителя! Торопись на взлет! Торопись в бой! Уничтожь фашистского стервятника! Он уже готов сбросить свой смертоносный груз на доблестных защитников Малой земли!»

Нарисовано не очень умело, написано не очень красиво. Из знаков препинания предпочитается восклицательный. Но согласитесь — действует. И хотя летчики по плану боевой работы делали пять-шесть вылетов, и пообедать им нужно было и отдохнуть. Дело не в этом. Самодельный, неказистый плакат заставлял еще и еще раз подумать: «А как там Малая земля? Все ли ты сделал, чтобы помочь ее защитникам?»

Я догадался, и это подтвердилось, что плакат «выпустил» заместитель командира полка по политической части капитан Пасынок. Тимофея Ефстафьевича Пасынка я хорошо знал еще по Дальнему Востоку. Всегда уважал его за принципиальность, деловитость. Интересно, что, когда полк отправлялся на фронт, Тимофея Ефстафьевича хотели оставить на востоке и предложили должность с повышением. Он отказался. Но в армии существует приказ. Тогда Пасынок написал письмо в Центральный Комитет партии с просьбой не разлучать его с полком и разрешить поехать на фронт. Аналогичное письмо с просьбой «посодействовать» ему в отправке на фронт, прислал мне. Никогда я не пожалел о том, что «посодействовал» политработнику поехать со своим полком.

Тимофей Ефстафьевич умел работать с людьми, мог вдохновить их, другого слова не найду, на выполнение любой задачи. Хотя вскоре был введен институт заместителей командира по политической части, капитана Пасынка с огромным уважением называли «товарищ комиссар».

Сам я Пасынка и его коллег-политработников, называл «крылатые комиссары». И не только за то, что большинство из них были отменными истребителями. Знаю, летчики с большой охотой шли на задание в группе Пасынка, или «комиссарской». Хорошо помню смелого, решительного в бою майора

С. С. Гулина, заместителя командира 43-го истребительного авиационного полка, и других политработников частей корпуса. «Крылатыми» я звал летчиков-политработников за их духовную окрыленность, за умение словом и личным примером заставить не только понять разумом, но и сердцем прочувствовать важность нашего дела.

Именно они, политработники, окрыленные идеей люди, обеспечивали в армии ту огромную силу партийного влияния, о которой я говорил раньше. Они шли в бой в одном строю с летчиками, рядом с ними. Но своими помыслами, высотой духа, пониманием великого дела, которому мы все служим, преданностью этому делу, всегда были и есть впереди.

Много можно привести примеров конкретного проявления этой силы в боях. Для летчика самым ярким выражением мужества и героизма, несомненно, является таран. Его применяют в сложной обстановке, в условиях, когда больше нет других средств уничтожить противника, который может нанести большой ущерб.

...Ранним апрельским утром шестерка истребителей, которой командовал майор А. У. Еремин, вылетела на прикрытие наших наземных войск. Вскоре летчики обнаружили две группы «юнкеров» по восемнадцать — двадцать самолетов в каждой. Под прикрытием «мессершмиттов» они шли к нашим позициям. Имея преимущество в высоте, красноразведные «яки» устремились к противнику. Внезапность атаки, мощный огонь ошеломили фашистов. В первом же заходе было уничтожено два бомбардировщика. Вскоре еще три «юнкера» выбыли из строя. На самолет одного из наших летчиков, Ивана Федорова, бросились сразу четыре «мессершмитта». Как только они подошли на дальность открытия огня, Федоров энергичным разворотом ушел в сторону, намереваясь зайти в атаку на противника. Но тут ему путь преградила еще пара фашистских истребителей.

Федоров, обладающий хорошей техникой пилотирования, мог уйти от фашистов. Но тогда бы шестерка «мессершмиттов» бросилась на группу Еремина, атаковую вражеские бомбардировщики, и не позволила бы ей сорвать прицельный удар по земле. Федоров идет в атаку. Четким маневром заходит в хвост ведущему истребителю и меткой очередью уничтожает его. Тут же переключив самолет в новый крен и выходит на «мессер» ведомого летчика. Нажимает на гашетку, но оружие молчит. В предыдущих атаках израсходован весь боезапас. А к «яку» уже тянутся трассы от другой пары «мессершмиттов». Федоров сваливает истребитель на крыло и уходит вниз. Фашисты за ним. Несколько снарядов рвут обшивку на правой

плоскости «яка». Но самолет по-прежнему хорошо слушается рулей. Летчик отправляет машину вверх на пределе возможной перегрузки для самолета и человека. Потемнело в глазах. А здесь его уже поджидает третья пара истребителей противника. Федоров не стал ждать нападения. Снова атакует. Дистанция сокращается. Но пушки «яка» молчат. Фашист нервничает. Пытается уйти. Но поздно. Крыло красноезвездного ястреба бьет по фашистскому самолету...

Немало после этого памятного боя уничтожил Иван Федоров вражеских самолетов, стал Героем Советского Союза и закончил войну в небе Берлина.

В эти дни еще два летчика нашего корпуса — майор А. К. Янович и старший лейтенант С. И. Маковский преданными таранами уложили вражеские самолеты, не дали им донести свой смертоносный груз до цели.

В последние годы ряд буржуазных историков, психологов утверждают, что тараны советских летчиков во время Великой Отечественной войны — акт отчаяния в безвыходной обстановке. Позволительно спросить, почему же хваленые фашистские асы, даже когда положение их и всего фашистского рейха стало по-настоящему отчаянным, ни разу не пытались таранить советские самолеты? Не дано! Хотя действительно отчаяние, порожденное страхом, иногда толкает людей на необычные, неожиданные действия. Но в большинстве своем они бессмысленны по существу и бесполезны по результатам. Тараны, совершаемые советскими летчиками, имеют и результат и большой смысл. Уничтоженный противник, сохраненные объекты, спасенные в бою товарищи и, наконец, страх, порождаемый у фашистов бесстрашием наших летчиков, — вот смысл и результат таранов.

О том, что таран — оружие смелых, мужественных людей, в любой обстановке сохраняющих самообладание, действующих расчетливо, точно, а не в панике от отчаяния, говорят многие примеры, когда, повергая врага ударом своего самолета, наши летчики оставались в строю и продолжали громить фашистов. Так все три летчика нашего корпуса, применившие таран как тактический способ уничтожения противника, остались в боевом строю. А старший лейтенант Маковский после тарана произвел нормальную посадку на своем аэродроме.

Вот эта самоотверженность, готовность пойти на риск во имя большой цели и есть главный результат работы Коммунистической партии, ее полномочных представителей в армии — наших крылатых комиссаров, политработников.

ГОСПОДСТВО В ВОЗДУХЕ

Теперь бои шли при равных силах в воздухе, а затем превосходство перешло к нам.

Л. И. БРЕЖНЕВ. «Малая земля».

Еще на подходе к Новороссийску, невидимому за отрогами гор, по разговорам в эфире стало понятно — обстановка над Малой землей сложная. Я знал, что над плацдармом патрулируют две группы из полков А. У. Еремина и А. А. Дорошенкова. А вот сколько противника — неизвестно. Продолжаю прислушиваться. Вот кто-то из наших летчиков крикнул: «Командир! С моря еще восьмерка идет!» И тут же голос капитана Николаенкова: «Тищенко! Тищенко! Не подпускай их, не подпускай!»

Со своим ведомым лейтенантом Н. В. Бородиным иду с набором высоты. Сектор газа впереди до упора. Мысленно уже там, над Малой землей. Даже не видя картины боя, можно представить, что там делается. Наши патрули, по всей видимости, вступили в схватку с истребителями противника, прилетевшими для очистки воздуха от советских истребителей перед очередным налетом своих бомбардировщиков на плацдарм. Справиться с ними не сумели, вызвали дополнительные силы себе на помощь. Благо они рядом — на аэродроме возле Анапы.

Связываюсь с наземным пунктом управления. Прошу выслать дополнительно две группы истребителей в район Малой земли.

Обстановка здесь действительно сложная. Это мы уже видим своими глазами. Подошедшая восьмерка «мессершмиттов» создала перевес сил в пользу противника. Но наши держатся молодцами. Боевые порядки пар и звеньев не расстроены, атакуют энергично. Умело используют и горизонтальный и вертикальный маневр.

По опыту знаю — это только начало. Сейчас немцы подоплют еще истребителей и под их прикрытием пойдут «юнкеры».

Мы с Бородиным идем от восточного берега Цемесской бухты. Перед нами, внизу — согнутым указательным пальцем Суджукская коса, Соленое озеро, Мысхако — Малая земля. Уже несколько суток без перерыва здесь идут тяжелые бои. Сейчас нашим помогают штурмовики и пикирующие бомбардировщики. Они обрабатывают передний край противника.

Приглядываюсь к воздушному бою истребителей, выбираю цель для себя. Не забываю осматривать остальное воздушное пространство. Старый закон — истребитель должен видеть все. Справа сзади над отрогами гор появляются «яки» вызванных мной групп. Мне в бой можно не вступать. Наши сейчас порядок наведут. И в этот момент увидел группу «юнкеров». Они шли вдоль моря от Южной Озерейки. Оценить обстановку не трудно. Наши истребители над Мысхако связаны боем. Свежие группы только еще подходят к берегу Цемесской бухты. «Юнкеров» они встретят над самым плацдармом. Те могут успеть отбомбиться. Решение одно — навстречу противнику. Мы выше его на тысячу метров. На всякий случай предупреждаю ведомого:

— Я — «Дракон»! Атакуем!

Ручка идет немного от себя и влево. Влево, чтобы не потерять под собой «юнкеров», идем на встречных курсах. Маневр для атаки ясен. Пропускаю их справа внизу, выполняю полупереворот и на пикировании бью сверху по флагману.

Успеваю взглянуть на ведомого. Ничего, держится. И головой крутит, осматривается. Молодец...

Все внимание цели. Начать маневр нужно очень точно. Поспешись — можно проскочить перед строем бомбардировщиков, под огнем их крыльевых «эрликонов». Задержишься — атаковать придется не на пикировании, а в лучшем случае на крутом планировании. Попадаешь под прицельный огонь стрелков. Только точность... Еще. Еще немного... Пошел!

Истребитель опускает нос и одновременно ложится на ровную плоскость. Предохранитель — долой! Указательный палец, согнувшись — не к месту подумалось, как Суджукская коса. — привычно выбирает свободный ход гашетки. Скорость растет. Все ближе камуфлированные серо-зелеными пятнами плоскости и спины «юнкеров». Пока я еще вижу почти всю группу. Но с каждым мгновением сектор зрения сужается, концентрируется на одном из них — ведущем. От задней части колпака кабины потянулась трасса. Она проходит где-то под брюхом моего «яка». Центр прицела в этот момент ложится как раз

на точку, откуда идет трасса. Две коротких очереди. Трасса обрывается. Еще несколько мгновений пикирования, и кажется, что я вижу лицо пилота, который в ужасе оглядывается назад. И одновременно палец на гашетке явственно ощущает металлическую насечку. Короткая очередь по кабине. Чуть подлинней. Ручку управления влево, и еще очередь, по крыльевым бакам.

Такое ощущение, как будто «юнкерс» взрывается перед самым винтом истребителя. Конечно, это не так. Иначе взрывной волной могло разрушить и мой самолет. Но трянуло сильно. Вывожу «як» из пикирования и вправо с набором высоты. Как Бородин? Чуть отстал, но идет рядом. Можно оглядеться. Группа «яков» уже близко. Вторая вступила в бой с истребителями. Строй «юнкерсов» рассыпался. Один из них сильно дымит и со снижением разворачивается в сторону моря. Но «мой» же взорвался? Значит, это Бородин сумел подбить еще одного? Совсем молодец.

Пока с ведомыми мне везет. В эти дни я летал с лейтенантами С. Н. Самойловым, С. И. Маковским, А. Т. Тищенко и вот сегодня с Николаем Бородиным. Претензий предъявить не могу. В строю держатся как положено. Воздух видят хорошо. А если и стрелять так будут, как сегодня Бородин,— совсем замечательно.

Но бой пока не кончился. Собственно боем назвать то, что происходит, трудно. Скорей всего это несколько боев. Истребители дерутся на разных высотах. Схватки идут и над Малой землей, и над Новороссийском, и над Цемесской бухтой, и за Федотовкой. Больше того, конца бою не предвидится. Обе стороны наращивают силы. Через каждые четыре-пять минут сюда подходят новые группы истребителей. Подходят «мессершмитты» и «фокке-вульфы» со стороны Анапы. Подходят из-за отрогов хребта «яки» и «Лавочкины». Сосчитать трудно, но в воздухе сейчас не менее пятидесяти—шестидесяти истребителей. Бомбардировщики показываться не рискуют. Та группа, которую мы атаковали с Бородиным, встреченная над самым передним краем наших войск прибывшими истребителями майора Дорошенкова, дальше идти не рискнула.

Воздушный бой истребителей принял типичный для этих дней характер дуэли большого количества самолетов и групп в малом объеме воздушного пространства. Такой бой мог продолжаться длительное время. Падали сбитые самолеты, уходили на свои аэродромы выработавшие горючее и истратившие боеприпасы. На их место прибывали новые группы. Бывало, что летчики выполняли в течение нескольких часов чегыре-пять вылетов, а участвовали, по сути дела, в одном и том же бою, который начинали утром.

Такие схватки требовали большого напряжения не только от летчиков, но и от инженерно-технического состава. Трудно приходилось всем наземным специалистам. Механикам и мотористам, кроме обычной работы: осмотра и заправки самолетов между вылетами, нередко приходилось латать пробитую обшивку, ремонтировать поврежденные в бою системы истребителя, менять вышедшие из строя или выработавшие ресурс моторы. Требовалось предельное напряжение сил и большое мастерство для того, чтобы обеспечить вылет каждого самолета по четыре-пять, а то и шесть раз в день. Многое здесь зависело от четкой организации инженерно-технической службы.

Вспоминается инженер одного из полков майор технической службы С. Т. Ерохин. Высокого роста, энергичный, он, что называется, был душой всех работ на стоянке, в ремонтных палатках. Глубокие знания материальной части позволяли инженеру быстро и точно определить объем необходимых работ на поврежденном самолете, нужные запасные части и оборудование, четко ставить задачу людям.

В полках, на стоянках эскадрилий шло постоянное соревнование — кто быстрее и лучше подготовит самолеты к боевым вылетам. Самоотверженно трудились Агейкин, Кирилук, Горюнов, солдаты Хантимиров, Григорьев, Лившиц и их товарищи.

Очень много значила работа специалистов службы вооружения. Ведь боевой самолет, тем более истребитель — это прежде всего оружие. Летящее оружие. Авиационное вооружение даже по тем временам было сложным. Автоматические, скорострельные пушки, крупнокалиберные пулеметы, управляемые реактивные снаряды, а на некоторых модификациях истребителей и бомбовое вооружение, прицелы, системы управления огнем — все это требовало высокого мастерства, больших знаний от оружейников.

Дело осложнялось тем, что при перелете из-под Курска сюда, на Кубань, из-за недостатка транспортных самолетов большая часть технического состава была отправлена железнодорожным эшелонном, который по забитой военными грузами дороге двигался далеко не со скоростью курьерского поезда. И все прилетевшие специалисты работали за нескольких человек. Несмотря на это, трудно припомнить случаи, когда по вине технического состава не взлетел и не выполнил задание хотя бы один самолет.

Нередко оружие моего самолета, к примеру, готовил настоящий мастер оружейного дела Алексей Фоменко. Один, без помощников, он выполнял всю сложную работу. Офицер хорошо знал не только вооружение советских истребителей, но и

самолет противника. Благодаря его заботам всегда было готово к стрельбе оружие и на том самом трофейном «мессершмитте», который привели на наш аэродром капитан Тарасов и лейтенант Калугин. Нет, недаром летчики, возвратившись из боя с победой, обязательно благодарили в первую очередь «хозяина» своего самолета — механика, специалистов-оружейников. Сказано — самолетом управляют руки летчика, а поднимают его в небо руки техника.

Воздушное сражение, развернувшееся в небе Малой земли, участие в борьбе большого количества самолетов предъявляли высокие требования офицерам штабов, командованию соединений в организации и руководстве боевыми действиями. Нам всегда нужно было знать и анализировать обстановку, умело распределять свои силы. Можно послать в район боя сразу много истребителей. Но противник, поняв это, станет выжидать. А небольшие по количеству группы наших самолетов нередко становятся добычей более крупных сил. Важно было точно рассчитать свои возможности и возможности противника, учесть особенности его тактики, оперативных задач. При этом нельзя забывать о действиях наземных войск, в интересах которых, собственно, и велась воздушная борьба.

Когда же дуэльный бой завязывался, важно не только и не столько успеть увеличить свои силы в критической ситуации, а главное суметь нарастить их в такое время и в таком районе боевых действий, где они нанесут противнику наиболее эффективное поражение, заставят его покинуть поле боя побежденным. А ведь в воздухе нередко дрались одновременно десятки самолетов, и бывало, что в гигантской смертельной чехарде крутилось до ста боевых машин.

Именно из таких схваток и состояло воздушное сражение над Малой землей, сражение за господство в воздухе на южном участке советско-германского фронта.

До сих пор практика воздушной борьбы еще не знала таких масштабных боев самолетов-истребителей. Штабу 3-го авиакорпуса, на который в основном как на крупное оперативное соединение истребительной авиации была возложена задача прикрытия плацдарма советских войск на Малой земле, приходилось решать много новых вопросов, особенно связанных с боевым управлением и организацией боевых действий полков и дивизий. Нужно сказать, что к этому времени корпусу была придана еще одна истребительная авиационная дивизия Резерва Верховного Главнокомандования генерала И. А. Лакеева на истребителях Ла-5. При этом командование 4-й воздушной армией не сковывало нашей инициативы, не опекало. Как правило, штаб ставил нам задачу, а разра-

ботка планов по ее выполнению, выбор сил и способов боевых действий, их организация возлагались на штаб и командование корпуса.

Во время воздушного сражения на Кубани получили широкое распространение наземные пункты управления действиями истребительной авиации. Применялись они и раньше, еще в первый год войны под Ленинградом, позднее под Москвой и Сталинградом. В районы наиболее активных действий высылались опытные авиационные командиры с радиостанцией. Они наблюдали за воздушной обстановкой, информировали своих летчиков о противнике, подсказывали наиболее оптимальные в данных условиях тактические приемы, предупреждали об опасности, вызывали при необходимости дополнительные силы. Но тогда, в первый период войны, да и под Сталинградом далеко не все наши самолеты имели бортовые радиостанции, не все, даже авиационные командиры, понимали значение радио, ощущался недостаток и в наземных станциях. К весне сорок третьего года техническое оснащение авиации, в том числе и радиостанциями, значительно улучшилось. Летный состав понимал, какую неоценимую помощь в воздушных схватках оказывает связь между самолетами, группами и землей. Поэтому одной из важных забот штаба корпуса была организация максимально возможного количества наземных пунктов управления или наведения. Создавали их непосредственно по линии передовых позиций наземных войск. Вместе с уже существующими КП воздушной армии, а ее командование широко поддерживало использование радиосвязи, наши пункты представляли собой довольно стабильную, надежную и эффективно действующую систему боевого управления. Один из таких пунктов удалось разместить и на плацдарме в районе Мысхако.

Широкое использование радиосвязи как одного из главных средств боевого управления привело, естественно, к существенным изменениям в тактике воздушной борьбы. В первую очередь стали меняться боевые порядки истребителей. Раньше ведущий группы, командир, особенно летчики, старались ни в коем случае не упустить из поля зрения другие группы и самолеты. Попросту говоря, жались друг к другу, летали плотно. Это сковывало возможности маневрирования, перестроения. Широкое и грамотное использование радио позволило увеличить интервалы и дистанции между самолетами в паре, в группе, а сами группы эшелонировать по высоте, располагать их так, как требовала воздушная обстановка.

Больше внимания стали обращать на подготовку летчиков к выполнению заданий на земле, ставили им более конкретные задачи. Если, к примеру, истребители шли на сопровождение

штурмовиков или бомбардировщиков, то они уже заранее делились на две группы — ударную и непосредственного прикрытия. При охране наземных войск от нападения с воздуха истребители тоже стали делиться на несколько групп. Среди них также были ударные и прикрытия. Но главное, группы сейчас стали располагаться на разных высотах над охраняемым объектом, в данном случае над плацдармом войск 18-й армии.

В архивах корпуса сохранилась любопытная схема. Составлена она в двадцатых числах апреля сорок третьего года начальником оперативного отдела штаба корпуса полковником И. В. Обойщиковым во исполнение примечания вышеупомянутого плана авиационного наступления авиации Северо-Кавказского фронта, которое предписывало прикрытие действий десантных войск на плацдарме.

На схеме, сделанной с перспективных аэрофотоснимков, объемно вычерчена местность района Малой земли, Новороссийска, Цемесской бухты с линией передовых позиций, расположением наземных пунктов управления. Здесь же нанесены маршруты полета штурмовиков, которых при выполнении ими заданий прикрывала часть сил нашего соединения при нанесении штурмовых ударов по позициям противника, расположенным против десантной группировки советских войск. Но главным на этой схеме была детально разработанная графически задача по прикрытию войск на Малой земле. Схема так и называется: «Организаций прикрытия войск 3-м иак в районе Новороссийск — Мысхако». Для обеспечения надежности прикрытия схема предусматривала размещение барражирующих групп истребителей корпуса эшелонированно по высотам до пяти тысяч метров. Это позволяло нам при крупных налетах противника усиливать вступившую с ним в бой группу за счет вышерасположенных самолетов. Имея преимущество в высоте, они быстро набирали скорость на пикировании и стремительно атаковали противника. Впоследствии генерал Вершинин такое построение назвал «кубанской этажеркой». Подобный боевой порядок позднее широко использовался в воздушной борьбе с фашистской авиацией и неизменно приносил успех.

Опыт воздушной борьбы на Кубани помог Советским Военно-Воздушным Силам во многих последующих схватках с врагом. А для 3-го истребительного авиационного корпуса Резерва Верховного Главнокомандования он был особенно важен. Именно здесь молодые, необстрелянные летчики становились асами, авиационные командиры учились руководить боем в самой сложной воздушной обстановке, штабы — организовыв-

вать и планировать боевые действия крупных сил авиации, политработники — направлять партийно-политическую работу в условиях максимального боевого напряжения.

Как-то после одного из вылетов в район Новороссийска, на аэродроме Новотитаровка, где размещался штаб корпуса, прямо на стоянке самолетов я увидел генерала Вершинина. Доложил ему о воздушной обстановке над Малой землей. Константин Андреевич передал мне, что командование фронта и особенно 18-й армии довольно работой авиации.

Я знал, что генерал Вершинин не одобряет мои боевые вылеты, хотя прямо об этом мне не говорит. Да, по всем правилам основную часть времени мне нужно было находиться на командном пункте. Но меня как командира корпуса очень интересовали характер действий крупных сил авиации, закономерности развития такого вида боев, поведение в них летчиков, командиров и ведущих групп, тактика противника. По докладам командиров дивизий, полков и даже ведущих групп конкретной обстановки в районе боевых действий в ее целостном виде и со всеми нюансами знать не будешь. Личные наблюдения на поле боя давали много информации для анализа, размышлений и выводов по повышению эффективности работы истребителей.

Была и вторая причина для моих боевых вылетов в район Малой земли. Она не имеет отношения к руководству действиями частей корпуса. Это опять-таки из области эмоций летчика, его человеческих чувств.

Не мог я сидеть на земле еще и потому, что там, где воевали летчики корпуса, для меня был не просто плацдарм Малая земля. Это была моя земля. В ее маленьком клочке для меня воедино слились два святых понятия. Здесь была и маленькая родина, вместившая только твой дом, улицу, школу, и та, большая, необъятная Родина, Страна Советов, небо которой я, военный человек, летчик, коммунист, поклялся защищать. Понимаю, что защищал бы ее я и находясь на командном пункте в пяти десятках километров и в небе любого фронта. Но те, кому довелось освободить, защищать нашу большую Родину там, где находится его маленькая родина, поймут меня. И когда я представлял себе, как там, на Малой земле, в родной Станичке, может быть, во дворе моего бывшего, сожженного сейчас дома, сражаются советские люди, не мог я сидеть на земле. И если в прицеле моего истребителя появлялся силуэт вражеского самолета и пушечно-пулеметные трассы прекращали его путь к Малой земле, я был счастлив тем, что хоть немного, но помог ее защитникам сам, своими руками.

Генерал Вершинин и на этот раз ничего не сказал о моих полетах, а я, понятно, не стал ему рассказывать о причинах, побуждающих меня летать. Больше того, я доложил ему об одном замысле, в осуществлении которого и сам собирался принять участие.

Дело в том, что и нам и защитникам Малой земли очень досаждали вражеские истребители и штурмовики, которые летали с аэродрома Анапа. Перехватывать их до подхода к плацдарму было сложно. Расстояние от Анапы до Новороссийска небольшое, обнаружить и оповестить заранее наши истребители не было никакой возможности. С этого же аэродрома противник мог легко и быстро наращивать свои силы в упомянутых уже дуэльных боях. Аэродром — а если говорить точнее, это была хорошо оборудованная база для авиационных групп истребительных эскадр 4-го воздушного флота — имел мощную противовоздушную оборону. В нее входили и сильные зенитные средства и истребительная авиация. Во всяком случае, целый ряд попыток бомбардировщиков нанести удар по базе большого успеха не принес.

Замысел, а верней это был уже не замысел, так как штаб корпуса разработал детальный план, заключался в следующем. Мы отбираем опытных летчиков, умеющих летать ночью. На истребителях Як-7б, способных нести бомбы и реактивные снаряды, взлетаем в темное время, но перед рассветом. С таким расчетом, чтобы весь маршрут пройти в темноте, что уменьшало возможность быть обнаруженными противником. На аэродром выходим в первые рассветные минуты, чтобы можно было увидеть объекты штурмовки. В состав группы я предложил включить восемь — десять самолетов для удара по земле и две пары прикрытия, если в воздухе будут истребители противника, хотя ночью они не барражировали над аэродромом. И пару для руководства действиями группы, для проведения контроля результатов удара.

— В последней паре, разумеется, пойдет генерал Савицкий? — не без иронии справился командующий, но дальше эту тему не развил. За что я был ему благодарен.

Вершинин поинтересовался, как будет организована подготовка к этому налету. Я доложил, что поблизости от одного из наших аэродромов мы оборудуем наземную обстановку, схожую с базой под Анапой. Несколько ночей потренируемся всей группой, в том числе и с запасными летчиками. Отработаем весь полет от ночного взлета до удара. А потом...

Замысел был одобрен. Тем более, что в эти дни по плану Ставки на многих фронтах проводилась воздушная операция по уничтожению вражеских самолетов на его аэродромах.

Участвовали крупные силы воздушных армий и дальней авиации. Наш налет по этим масштабам был небольшим, но очень важным для борьбы за господство в воздухе на южном участке фронта.

— Тем более, — подчеркнул Вершинин, — если опыт удастся, можно будет такие налеты организовывать регулярно...

И вот один за другим взлетают самолеты группы. В воздухе все выключают аэронавигационные огни. Небо еще совсем темное, только на востоке чуть начинает светлеть. Линию фронта прошли на высоте 4000 метров. Затем штурмовая группа перестроилась в «колонну пар». При подходе к аэродрому пары размыкаются. В предрассветной серой мгле видны контуры нашей цели. По окружности аэродрома виднеются капониры. В них можно различить тонкие фюзеляжи «мессершмиттов». Прямо на открытом месте несколько «юнкерсов» и «хейнкелей». Колонна штурмовой группы подошла к аэродрому по касательной с северо-восточной стороны. Хорошо видно, как разворотом на 90° перешла на пикирование пара ведущего группы, командира полка майора А. А. Дорощенкова. За ним вторая, третья. И в этот момент аэродром озарило ярким пламенем. Взрыв. Еще один. Еще... Горят самолеты в капонирах и стоявшие отдельно «юнкерсы».

Из атаки пары выходят боевым разворотом в сторону моря и снова пикируют на аэродром. Только в этот момент заговорила малокалиберная зенитная артиллерия с судов в порту Анапы. Истребители нанесли еще один удар и по моей команде на бреющем полете уходят домой. Можно было сделать еще заход: и горячее и боеприпасы позволяли. Но слишком сильным был зенитный огонь проснувшихся артиллеристов.

Я со своим ведомым лейтенантом С. Н. Калугиным делаю еще круг. Убеждаюсь, что четыре боевых самолета противника уничтожены. Сколько повреждено, установить, естественно, трудно. Начали взлетать «мессершмитты». Озверели зенитчики. Пора уходить и нам. Курс на восток. Впереди над отрогами гор, над Новороссийском, по светлеющему небу разливаются утренняя заря. А на ее розовеющем фоне, как вчера, позавчера, все эти дни, призрачно клубится пыль и дым от пожаров и взрывов. Малая земля сражается...

Подобные налеты истребители корпуса стали проводить регулярно. Теперь, учитывая опыт первого, мы начали выделять несколько самолетов для подавления зенитных средств противника, и это давало возможность выполнить несколько заходов и наносить более прицельные удары. Уже в следующем налете здесь же уничтожили девять самолетов, несколько

автоцистерн с горючим, недостаток в котором противник уже начал ощущать.

Настоящими мастерами штурмовых ударов по аэродромам противника в короткие сроки стали у нас многие истребители. Среди них отличались командиры полков А. У. Еремин, А. А. Дорошенко, заместитель командира полка по политической части майор С. С. Гулин, командиры эскадрилий С. И. Маковский, В. П. Снегирев, С. А. Лебедев, летчики и командиры звеньев В. С. Конобаев, М. И. Куценко, В. И. Меркулов, Н. Ф. Заяц, Н. В. Бородин, А. Т. Тищенко.

Решительная борьба с вражескими самолетами в воздухе, уничтожение их на аэродромах привели к тому, что немецко-фашистская авиация резко снизила свою активность, так и не обеспечив своим наземным войскам достижение «решительных целей по ликвидации плацдарма на Мысхако». Если в первый день наступления на Малую землю немцы совершили 1248 самолето-вылетов, то к концу сражения это количество упало до 280.

Важнейшая задача, поставленная перед авиацией Северо-Кавказского фронта с приданными ей соединениями Резерва Верховного Главнокомандования, — воспрепятствовать удары бомбардировщиков по войскам на Малой земле была выполнена. Оценивая результаты воздушной борьбы в районе Новороссийска, Военный совет фронта отмечал в своем приказе: «В течение трех дней над участком десантной группы происходили непрерывные воздушные бои, в результате которых авиация противника, понеся исключительно большие потери, вынуждена была уйти с поля боя. Этим определилась и дальнейшая наземная обстановка».

После ожесточенных боев на Малой земле и в небе над ней на Северо-Кавказском фронте наступило относительное затишье до 29 апреля. В этот день войска фронта возобновили наступление, чтобы ударом на Крымскую и Анапу рассечь, а затем уничтожить группировку войск на Тамани. Наступлению предшествовала авиационная подготовка, которая перешла в авиационную поддержку.

Вражеская авиация ударами бомбардировщиков под прикрытием истребителей пыталась сорвать наступление. В этот день произошло более сорока групповых воздушных боев, в которых советские истребители сбили 75 вражеских самолетов.

4 мая станица Крымская, важный опорный пункт немецкой обороны и большой железнодорожный узел, была освобождена. Дальнейшее наступление наземных войск было приостановлено, но в воздухе борьба разгорелась с новой силой. Противник, судя по всему, произвел перегруппировку своей авиации, попол-

нил ее свежими силами. И опять, как над Малой землей, на узком участке фронта (25—30 километров) в день происходило до пятидесяти групповых боев, в которых участвовало по 50—80 самолетов. Разгорелось новое воздушное сражение на Северо-Кавказском фронте. Продолжалось оно до 10 мая. И в этом сражении советская авиация завоевала господство в воздухе в первые же дни.

Утром 26 мая после мощной артиллерийской подготовки наземные войска вновь перешли в наступление в направлении Киевское и Молдавское. Авиационная подготовка осуществлялась одним массированным ударом 84 бомбардировщиков, 104 штурмовиков и 150 истребителей. Основная часть сил 3-го истребительного авиационного корпуса в этот день была использована не как обычно, для прикрытия наземных войск, а для сопровождения бомбардировщиков и штурмовиков.

Чтобы сорвать наше наступление, противник бросил в бой большое количество бомбардировщиков. За первые три часа немецкие летчики произвели 1500 самолето-вылетов. Им удалось временно завладеть инициативой в воздухе. Во второй половине дня авиация противника нанесла удар по боевым порядкам наших наступающих войск, в котором участвовало около 600 самолетов.

Полностью сорвать действия немецкой авиации не удалось. Для этого не хватило и зенитной артиллерии и истребителей, большая часть которых в тот день, как уже говорилось, была занята прикрытием своих бомбардировщиков.

Командование Северо-Кавказским фронтом, обеспокоенное положением дел, собрало совещание командиров авиационных соединений и руководство воздушной армией. Проводил его командующий войсками фронта генерал И. Е. Петров. Он глубоко, со знанием дела проанализировал причины недостатков боевого использования авиации. Командующий особенно подчеркнул важность сосредоточенного, целенаправленного использования истребительной авиации в обеспечении действий наземных войск и в борьбе за господство в воздухе.

Принятые меры позволили нашей авиации вновь овладеть инициативой в воздухе и теперь уже безвозвратно завоевать оперативное господство на южном участке советско-германского фронта.

Более двух месяцев длилась воздушная борьба на Северном Кавказе. Ожесточенные бои над Малой землей вылились в три воздушных сражения. И все они в результате упорной борьбы закончились полной победой советской авиации. Противник потерял 1100 самолетов, в том числе более 800 в воздушных боях. Летчики 3-го истребительного корпуса Резерва

Верховного Главнокомандования записали на свой боевой счет 445 фашистских самолетов.

Эта победа явилась важнейшим этапом на пути завоевания советской авиацией стратегического господства в воздухе на всем фронте вооруженной борьбы. Итог воздушных сражений на южном участке фронта изменил ход борьбы за стратегическое господство в воздухе в пользу Советских ВВС.

* * *

Прошли десятилетия с той памятной весны 1943 года, когда летчики 3-го истребительного авиационного корпуса увидели с воздуха огненную Малую землю. После воздушных сражений в ее небе нам довелось участвовать во многих крупных операциях Советской Армии — в Крыму, в Белоруссии, в Прибалтике и, наконец, в Берлинской битве. 28 866 боевых вылетов совершили истребители, уничтожили 1653 вражеских самолета, много живой силы и боевой техники противника. 32 летчика заслужили звание Героя Советского Союза. Корпус удостоен почетного наименования «Никопольский», награжден орденом Суворова, двадцать один раз отмечался в приказах Верховного Главнокомандующего. Немало было трудных схваток с врагом. Но таких, как в небе Кубани, над Новороссийском, над Малой землей, не было. С этим, я думаю, согласятся все, кто участвовал в тех боях и дошел до Победы.

Так же, видимо, как и защитники Малой земли не припомнят более ожесточенных и трудных боев, чем на плацдарме. И не случайно книга воспоминаний начальника политотдела 18-й армии Леонида Ильича Брежнева стала настольной книгой не только участников боев за Малую землю, не только фронтовиков, а всех советских людей, высоко чтящих подвиг народа. Воспоминания «Малая земля» — это памятник особому рода, созданный человеком, пережившим все, что пережили герои его произведения, глубоко осмыслившим величие подвига однополчан.

Литературная запись Вадима БЕЛЯЕВА.

СОДЕРЖАНИЕ

Боевое крещение	3
Асы рождаются в боях	19
Господство в воздухе	35

Евгений Яковлевич Савицкий
В НЕБЕ НАД МАЛОЙ ЗЕМЛЕЙ

Редактор А. Н. Голиков.

Технический редактор А. И. Евтушенко.

Сдано в набор 15.02.79. Подписано к печати 19.06.79. А 00680.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2 Гарнитура «Новогазет-
ная». Высокая печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,93.
Тираж 100 000. Изд. № 1766. Зак. № 210 Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Государственные трудовые сберегательные кассы предоставляют населению возможность надежного хранения свободных денежных средств и совершения денежных расчетов, содействуют накоплению сбережений и использованию их в интересах развития народного хозяйства СССР.

**СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ
ВЫПОЛНЯЮТ ШИРОКИЙ
КРУГ ОПЕРАЦИЙ:**

- **ПРИНИМАЮТ ДЕНЬГИ** для зачисления во вклады и выдают их по первому требованию вкладчиков;
- **ПЕРЕВОДЯТ ВКЛАДЫ** по поручениям вкладчиков и наличные деньги из одной сберегательной кассы в другие;
- **ВЫДАЮТ И ОПЛАЧИВАЮТ** аккредитивы;
- **ПРОДАЮТ И ПОКУПАЮТ** облигации Государственного 3-процентного внутреннего выигрышного займа;
- **ВЫПЛАЧИВАЮТ ВЫИГРЫШИ** по облигациям государственных займов и лотерейным билетам;
- **ВЫДАЮТ РАСЧЕТНЫЕ ЧЕКИ** для расчетов населения с магазинами за приобретаемые товары длительного пользования;
- **ПРИНИМАЮТ ПЛАТЕЖИ** за квартиру, коммунальные и другие услуги;
- **ПРОИЗВОДЯТ БЕЗНАЛИЧНЫЕ РАСЧЕТЫ** по поручениям вкладчиков как в разовом порядке, так и в течение продолжительного времени.

